

Утро любви

Роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Рубцов

Виктор Рубцов

Утро любви

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Рубцов В. Н.

Утро любви / В. Н. Рубцов — «ЛитРес: Самиздат», 2005

"Утро любви" - это своеобразный срез жизни главных героев романа в конце 90-х прошлого и в начале нулевых 21 века. Когда складывались, а порой и трагически обрывались их непростые судьбы. Это не только искреннее повествование о любви молодых героев, но и правда о том времени, взаимоотношениях людей, стиле работы руководителей организаций, политике, на которые автор смотрит сквозь призму истории Древнего Рима, периода Кавказской войны, реальной ситуации в одном из регионов России, во многом типичной и для всей страны в целом. Кроме того, это и интересный рассказ-напоминание о важных страницах нашей истории. Содержит нецензурную брань.

© Рубцов В. Н., 2005

© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

1.	6
2.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	65

От автора

Виктор Рубцов – по профессии журналист. Живёт в Кавказском районе Краснодарского края. Пишет стихи, тексты песен, повести и рассказы, которые в 80-ые годы публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Простор», «Кодры», альманахе «Поэзия» и в других центральных и республиканских изданиях. В последние годы его стихи были опубликованы в журналах: «Московский вестник», «Русская жизнь», «Русское эхо», «Дон – новый», «Южная звезда», «Я», литературном ежегоднике «Побережье» (США) и ряде других печатных и электронных изданий. Он автор книг стихов «Эхо тишины» и «В день чёрной звезды», переводов – «Надежда». Литературные критики 80-ых отзывались о нём, как о поэте новой волны, на грани риска пробивающей свой собственный путь сквозь преграды так называемого «соцреализма». Главный мотив творчества В.Рубцова – любовь к Родине и человеку – основан на лучших традициях русской литературы, ставящей во главу угла гуманизм и гражданственность, воплощённых в подлинно художественных формах, отвергающих любую фальшь и косноязычие. Ведь проза и поэзия либо есть, либо их нет.

В 2005 году Виктор Рубцов написал роман «Утро любви». Это своеобразный срез жизни главных героев повествования в девяностые 20 века и нулевые годы 21 века, судьбы которых складывались непросто. В центре внимания – далекие потомки Гая Юлия Цезаря и египетской царицы Клеопатры, волею судеб оказавшиеся в одной из областей Поволжья и полюбившие друг друга. Это книга не только о любви и познании жизни главными героями – бывшим разведчиком Юрием Гаевым, воевавшим в Чечне, а в мирной жизни ставшим зоотехником, молодым учителем Валерием Ивановым, сменившим свою профессию на опасную стезю журналиста, старшеклассницей Елизаветой Мордвиновой, но и об истоках и проблемах войны и мира, современной политике. На все это автор смотрит сквозь «призму» истории Великого Рима, эпохи Гая Юлия Цезаря, первой Кавказской войны, на их фоне как бы сопоставляя и оценивая главные человеческие качества, помыслы и поступки людей прошлого и настоящего. Наверное, для того, чтобы ответить на немаловажный для себя и для всех вопрос: кто мы, и где сейчас находимся? Далеко ли ушли от своих и не своих предков, живших за сотни и тысячи лет до нас? Автору претят ханжество и лицемерие: в истории, политике, личной жизни людей. Поэтому, возможно, в некоторых главах книги он так открыт и откровенен при описании тех или иных эпизодов и событий, интимных сцен. Но все это по его замыслу должно возбудить у молодежи интерес к жизни и гражданскому долгу, истории своего Отечества и окружающего мирового пространства. И если его книга, хоть на малую долю, уменьшит в нашем народе количество Иванов, не помнящих родства, он будет счастлив.

Я в черной дыре весь сжат до алмаза.

А может, до атомного ядра.

Но каждое слово, и каждая фраза -

Всего лишь игра, и не только игра.

1.

Юрий Гаев, родившийся в небольшом заволжском городке, долгое время совершенно не подозревал, что в его жилах течет кровь известного всему миру любовника египетской царицы Клеопатры – Гая Юлия Цезаря. А доярка Елизавета, носившая фамилию достоправного и безвременно ушедшего из жизни бригадира тракторной бригады Алексея Мордвинова, даже не догадывалась, хоть о каком – то, своем родстве с египетской бестией, в свое время без войн и кровавых сражений покорившей сердца многих и многих властителей древнего мира. Впрочем, отдаленные признаки такого родства иногда давали о себе знать. Однажды ей приснился удивительный сон, в котором то – ли ее душа, то – ли она сама перенеслась в дальнюю, желтую и прожженную зноем страну, в царский дворец, наполненный прохладой и покоем, убаюкивающими звуками арф и флейт, запахами фимиама. Его внешние помещения наискосок прочерчивали конусообразные и расширявшиеся книзу столбы солнечного света, падавшие из редких осветительных окон. Эти окна были расположены под самой крышей рядом с каменными колоннами, покрытыми иероглифами и различными изображениями. Стены и потолки других сумрачных и полных тайн, внутренних залов и комнат (древние египтяне называли их гостиницами, а могилы – вечными домами) облизывали багровые языки отсветов, отбрасываемых зажженными и чадающими факелами. В главном зале на золотом троне с подлокотниками в виде золотых львов и ножками в виде золотых звериных лап – известный Елизавете со школьных лет фараон Тутанхамон, рядом с ним жена, опирающаяся на его плечо. Сбоку – музыкантши с арфами и флейтами, а перед троном – полуголые танцовщицы, повиливающие бедрами в каком-то древнем и неизвестном современникам танце. Потом ей снилась царица Клеопатра, возлежащая на своем белоснежном ложе под прозрачным сиреневым шатром алькова с пламенным любовником необыкновенной красоты. Он осыпал царицу множеством легких поцелуев с головы до пят и щекотал лебединым пером ее самые чувствительные места. Нашептывал чудесные слова о божественной красоте возлюбленной, не скупясь ни на какие комплименты, и превозносил все ее прелести до небес:

– Как яхонты, наполненные живой водой или сладким вином, глаза твои. Взор так и льнет к ним, губы так и тянутся поцеловать и ощутить прикосновение к божественному, полному святой влаги и самого прекрасного света. Как нераскрывшиеся лотосы, груди твои, полные горячей страсти и ласки, нежности и аромата, спускающегося, словно свежий воздух, с гор. Радуют и согревают они мои руки и душу, их хочется целовать и целовать. Как нежная утренняя волна, согретая солнцем, тело твоё. Я прикасаюсь к нему, и мое собственное тело наполняется светлой и священной музыкой самого огромного желания – взять тебя и навеки слиться с тобой. Я хочу стать с тобой одним существом, парящим от счастья над этой грешной землей. В таком наслаждении и восторге, о котором знают только высочайшие Ра и Нейфе, Осирис и его супруга Исида.

Постепенно царица начинала все громче и громче шептать ответные слова, которые, по мере приближения к совокуплению, становились протяжнее и жарче и напоминали уже тихие стоны. Они усиливались и усиливались под горящими глазами любовника, уже соединившегося с ней и восхвалявшего всевышнего за это блаженство. В какую-то минуту Елизавете показалось, нет, она ощутила всем телом и всеми фибрами своей души, что это она сама лежит на том прекрасном ложе из слоновой кости и самшитового дерева. И это она испытывает восторг, постепенно нарастающий и доходящий до какого-то неповторимого безумия, экстаза, в котором уже ничего невозможно поделать с собой, и умирала от полностью забравшего ее удовольствия.

О своем возможном родстве с Клеопатрой Лиза узнала от Юрия, молодого зоотехника, который снимал у нее и ее младшего брата в их сельском доме комнату. Кроме зоотехнии,

Юрий очень любил историю, и много свободного времени посвящал изучению ее "белых" пятен, жизни великих людей. Одновременно он хотел докопаться до своих корней. А еще он свято верил в идею реинкорнации и бессмертия человеческой души. Вот и внушил Елизавете мысль о том, что это не первая ее жизнь на грешной земле и, судя по чертам ее лица и формам тела, у нее есть что-то общее с египетской царицей. Правда, девушка в эту небылицу практически не верила, так как знала какого она роду-племени. К тому же волосы у нее были светлые, как лен, почти белокурые, а у Клеопатры совсем другого цвета. И поначалу девушка считала, что Юрий «вешает ей лапшу» на уши. Но не подавала виду, что догадывается. Ведь такое возвышение ее в глазах их постояльца приятно ласкало самолюбие и прибавляло гордости. Ну, а уж когда стали сниться сладкие до безумия и такие красочные сны, переносившие ее в другую реальность, и дававшие столько удовольствий, она где-то даже поверила ему. Более того, уже с нетерпением ждала окончания работы, новой встречи и рассказов своего постояльца и друга.

Юрий, расспрашивавший про ее предков, выяснил у старожилов, что о прадедах Елизаветы с достопамятных времен ходили целые легенды. Мол, были они не простыми волжскими казаками, соратниками донского казака и атамана Стеньки Разина, а имели более древние и благородные корни, пришли к Волге с запада России. И когда точно установил это, то и сам стал верить в свои догадки. Оснований хватало. Да и по мере углубления в историю своей родины, он видел, как его догадки все чаще превращались уже чуть – ли не в научные и, как ему казалось, неопровержимые выводы. Действительно, многое наводило на мысли об этом, и укрепляло его веру в правильности избранного пути. Любовь и дружба тем крепче, чем глубже у приглянувшихся друг другу молодых духовные и исторические начала. Вот и стал Юрий «рыть под собой землю», окунувшись в ранее неведомый ему мир древних манускриптов и рукописей, а еще больше – в атмосферу реконструированных реалий и сюрреалий прошлого, созданных на основе изложенных в них сведений из книг и научных, а также художественных работ. Ценный исторический материал он откапывал для себя и Елизаветы, чтобы как можно ярче просветить их прошлое и сделать более-менее отчетливыми контуры генеалогических деревьев. Постепенно он выяснил, к примеру, что вместе с дружинами Аскольда какой-то отдаленный предок Елизаветы ходил еще по Днепру и Черному морю, по пути «из варяг в греки», на Константинополь. У любителя истории Юрия от таких сведений дух захватывало. Ведь первый поход Аскольда на Константинополь был еще в 866 году. А он в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова только узнал о нем. Главное, о том, что к тем событиям имел отношение кто-то из рода его милой Елизаветы. ...Тогда, Рюрик, Синеус и Трувор, призванные княжить на Руси, расположились на главных центрах торговых путей: Аскольд и Дир, с согласия Рюрика, заняли Киев, освободив его от зависимости от хазар. А вскоре начались морские походы на Византию и Болгарию. Плавали за добычей, когда по доходившим до славян и руссов слухам, юго-западные соседи находились в затруднительном положении и с помощью похода и подвода войск, военного давления с ними можно было выгодно поторговаться или пограбить их. Византийский император Михаил I в во время первого появления русских у стен Константинополя отсутствовал, он участвовал в собственном походе против арабов. В столице войск почти не было, и русский флот, состоявший из двухсот с лишним судов, явился для Константинополя грозной и внушительной силой. Константинопольский патриарх Фотий, отслужив молебен, погрузил в волны Босфора икону Влахернской Божией Матери и, по преданиям, совершилось чудо: началась страшная буря, в которой большая часть русских судов погибла в громадных волнах; с остальными Аскольд и Дир вернулись прежним путем к Киеву.

Второй поход тех же Аскольда и Дира и шедшего под их началом далекого предка Елизаветы, как выяснил Юрий, совершен был в следующем, 867 году. Русские суда грабили берега Черного моря, но до Босфора не дошли: византийский император поторопился заключить мир, по которому Аскольду и Диру достались богатые дары – золото, серебро и шелковые ткани. Первые два похода послужили к обращению Аскольда и Дира и некоторых дружинников в хри-

стианство. И в память о той поре в роду Елизаветы по материнской линии остался древний византийский серебряный крест, передававшийся из поколения в поколение старшим сыновьям, как драгоценная реликвия. Именно этот крест, оставленный Елизавете в память о ее отце и его предках, и придавал уверенности Юрию в его весьма непростых выводах. Он перечитал немало исторических летописей и церковных, а также научных книг, по которым знал так же и о том, что третий поход руссов, предпринятый в 907 году князем Олегом, совершен был на двух тысячах судов. Только конницу тогда отправили сухим путем. При появлении русского флота перед Константинополем греки завели перед гаванью боны, но Олег и с ним, возможно, все тот-же предок Елизаветы или его сын, обошли это препятствие: ладьи были поставлены на катки и перетасчены берегом к гавани. Через много веков этим приемом воспользовался Петр Великий, сочинивший великую переволоку своих судов во время войны со шведами. И открыл-таки «окно в Европу». Так же действовали и казачки под командованием Степана Разина на реке Усе близ Самарской Луки, перетаскивавшие свои челны и внезапно появлявшиеся там, где их совсем не ждали, ловко грабившие купеческие суда. И князю Олегу все, задуманное тогда, удалось. Опасаясь разгрома столицы, греки согласились на невыгодный мир: Олег получил денежную дань, рассчитанную по двенадцать гривен на каждое русское судно и, кроме того, большую сумму на содержание княжеских воевод в Киеве, Чернигове, Полоцке и других русских городах. В знак победы и примирения с греками щит Олега был прибит к городским воротам Константинополя. «И кто знает, – как-то сидя за чаем у Елизаветы через одиннадцать с лишним веков, вслух размышлял Юрий, – может, этот самый легендарный щит прибывал твой далекий предок, на долю которого, а также его наследников выпало еще немало славных походов и событий».

– Да ну, тебя! – не поверила тогда своим ушам и рассмеялась, с восторгом смотревшая на вдохновенное лицо своего постояльца и друга Елизавета. Еще бы! Глаза молодого человека излучали какой-то колдовской и захватывающий свет, словно были наполнены пламенем давно минувших и таких загадочных лет. И вместе с его проникновенным голосом слышались таинственные отзвуки уже далекой эпохи. Но девушка думала совсем об другом и ждала его признаний и ласк.

– Нет, ты послушай, – не унимался увлеченный Юрий. – Я ведь не случайно обо всем этом рассказываю, сейчас ты поймешь. В июне 941 года уже князь Игорь, нарушив мир, заключенный его предком, явился перед Босфором с флотом из тысячи судов (некоторые историки, правда, определяют число судов в десять и даже пятнадцать тысяч, но эти цифры вероятнее отнести к следующему походу Игоря). Так вот, высаженные на берег воины принялись разорять и грабить окрестности. Суда же стояли у входа в Босфор по обе его стороны. Наскоро снаряженный греческий флот из 15 кораблей, вышедший к русским судам, обратил против них страшное по тем временам оружие – «греческий огонь» – зажигательный состав. Он выбрасывался из особых труб, по форме похожих на удлинненные цветы орхидеи или, точнее, красной наперстянки, с прилаженными сзади кузнечными мехами. Бороться с ним было очень сложно, так как средство имело свойство гореть на воде (скорее всего, это была нефть или ее продукты, отогнанные легкие фракции, а, возможно, и пищевой спирт). Греческий огонь оказался губительным для флота Игоря: множество русских судов сгорело, так как огонь был пущен по ветру. Как за тысячу лет до этого – легендарным римлянином Л. Кассием, спалившим флот Г. Цезаря. Погибли не только корабли, но и многие русские воины, которым пришлось искать спасения в водах Босфора. Лишь некоторым из них удалось благополучно доплыть до берега. Но вскоре они были схвачены и обращены в невольников. Ты представляешь себе всю эту картину?

– Не – ка! – улыбнулась и слегка смутилась от своей бесталанности Елизавета.

– А ты закрой глаза и вспомни, о чем я рассказывал минуту назад!

– Елизавета прикрыла ладонями глаза и, действительно, словно во сне, увидела совсем иной, давно забытый ее современниками, мир с его опасностями и тревогами, столкновениями

народов, сражениями и битвами, на суше и на море. Особенно отчетливо она видела легкие славянские корабли, охваченные пламенем и отражавшиеся в черной бездне моря так реально и жутко, что ей стало до боли жалко каких-то очень далеких ее предков в доспехах, много веков назад сгоравших в огне морского пожара. Она вдруг почувствовала, как из глаз ее выступили и потекли теплыми струйками по слегка просвеченным электрическим светом и оттого почти прозрачным ладоням слезы.

Юрий предполагал, что одним из тех, кто горел и спасся с русских кораблей, мог стать и предок Елизаветы, ведь в ее роду сохранилась давняя сказка о том, что кто-то из далеких прадедов, по имени Силантий, был в плену и рабстве не то у греков, не то у египтян. Там женился на красавице-гречанке, корни которой, как фантазировал Юрий, восходили к самой Клеопатре. А ближе к нам была ее рожденная вне закона дочь, на которую и была похожа Елизавета.

– А может быть, – развивал свою мысль Юрий, – Силантий жил несколько позднее и судьба свела его со своей возлюбленной на Крите или в Африке, где он побывал во время шестого похода уже князя Святослава в качестве союзника Византии против дунайских болгар. Тогда, в 967 году, уже князь Святослав – сын князя Игоря – с 60-тысячным войском отправился морем из Днепра в Дунай, завоевал Болгарию и прочно утвердился в городе Преславе. Известие об осаде Киева печенегами заставило Святослава оставить Болгарию и поспешить на защиту своей столицы, и хотя Киев был освобожден еще до прибытия Святослава, князю, по просьбе его матери. Св. Ольги – первой христианской княгини – пришлось остаться в Киеве, дабы не отдать город и ее саму со всем честным народом на поругание.

Седьмой поход Святослав со своим войском совершили уже после кончины Св. Ольги, в 970 году. Флот в числе около 250 судов явился снова к Дунаю, и Святославу вторично пришлось брать Преславу. Утверждение Святослава в Болгарии сильно обеспокоило Византию. Император Иоанн Цимисхий стал готовиться к войне, но, предупрежденный Святославом, двинувшимся со своими войсками к Адрианополю и Филиппополю, и собиравшемуся идти на Царьград (Константинополь – современный Стамбул), был вынужден откупиться богатою данью и заявить о своих мирных целях. В следующем, 971 году, вероломством Цимисхия Святослав был поставлен почти в безвыходное положение, когда на него, с малочисленной дружиной, при Доростоле (Силистрия) обрушился император. Осажденный в Доростоле русский отряд испытывал большую нужду в съестных припасах, и только помощь со стороны флота дала возможность временно справиться с этой нуждой. Русские суда с экипажем в две тысячи человек в бурную ночь вышли из Доростола и, несмотря на присутствие греческого флота, обошли окрестное побережье, произвели высадки своих воинов, захватили запасы хлеба в придунайских селениях. Они истребили множество греков и благополучно вернулись к Доростолу. 22 июля под стенами Доростола произошло решительное сражение Святослава с войсками Цимисхия. Неопределенный исход неравного боя привел к мирным переговорам, после которых было дано слово «не воевать» против Византии и Болгарии. Святослав со своими войсками направился на флоте к Днепру и вскоре же погиб в битве с печенегами. А были еще восьмой и девятый походы на Византию. Последний поход, кстати, относится к 1043 году. Тогда великий князь, извещенный об убийстве в Константинополе одного русского, отправил к Царьграду флот под начальством своего юного сына Владимира, удельного князя Новгородского. Доставленное особыми послами письмо императора Константина Мономаха, в котором тот просил не нарушать мира и обещал строго наказать убийц, не удовлетворило новгородского князя. Русский флот, в который уже раз явился перед Босфором и расположился в боевом порядке у Фара. Император сам вышел с греческим флотом против Владимира, снова предложил Владимиру мир. Но юный князь гордо отвечал: »Соглашаюсь, если вы, богатые греки, дадите по три фунта золота на каждого моего человека». Соглашение не состоялось, и по сигналу византийского императора завязался бой. Три неприятельские галеры врезались в середину русского

флота и зажгли греческий огонь. Чтобы спастись от пламени, Владимир с флотом снялся с якоря, но разыгравшаяся в это время жестокая буря оказалась для русских губительнее огня: значительное число судов погибло. Пошло ко дну и княжеское судно. Причем сам Владимир был подобран из воды дружинниками. Большая часть русского флота высадилась на берег и была перебита и захвачена в плен греками.

Юрий предполагал, что в ту пору среди пленных мог оказаться и Силантий – предок Елизаветы. А чтобы она не думала о каком-то позоре, лежащем на их роде, рассказал и о том, что в итоге на море Владимир тогда все же одержал блестящую победу над греками. Оправившись от последствий бури и собрав сохранившиеся суда, он снова повел флот, который у северных берегов Черного моря атаковал 24 неприятельских галеры, стоявших в заливе под командою своего адмирала. Греки, конечно же, проспали это нападение, но оказали отчаянное сопротивление, когда русские пошли на абсордаж. На захватываемых кораблях разгорелась рукопашная схватка не на жизнь, а на смерть. В результате греческий адмирал был убит, часть галер вместе с солдатами – истреблена, часть захвачена. С остатками своего флота и с богатой добычей, множеством пленных Владимир вернулся к Киеву, и этим закончился последний морской византийский поход. Хотя есть на этот счет и другие версии, и существует какая-то путаница с хронологией этих походов к Константинополю и насчет того, кто именно их возглавлял.

– Интересно, какими были наши предки? Наверное, очень смелыми, и сильными, раз такие сражения выигрывали и на такие походы решались? – поинтересовалась Лиза.

– Да, конечно. С одним я, правда, не согласен.

– С чем? – не поняла Лиза.

– Да с тем, что их во всей нашей художественной литературе чаще всего уж очень добрыми и благородными, сугубо защитниками земли русской, выставляли.

– А ты другого мнения?

– Но, ты же слышала мой рассказ. Сколько раз наши предки сами на своих соседей нападали, в походы за богатой добычей ходили. Жизнь всегда сложнее. Благородства и доброты у наших предков было не отнять. Но что до князей и их дружинников, то и звери они были еще те. Не только на тех же греков, нападали, но и нередко между собой мира не находили. Вот послушай.– Пояснил Юрий. – У Святослава было три сына: Ярополк, Олег и Владимир. Тот самый – креститель Руси. Так вот. Когда мать Святослава – княгиня Ольга – первая русская христианка, запретившая сыну справлять по ней языческую тризну, – умерла от простуды, – Святослав сказал своим боярам: "Не люблю мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае". Так он вскоре и сделал. А, чтобы не бросать управления русскими городами и землями, посадил князем в Киеве Ярополка, Олегу поручил править в землях древлян, а вот о Новгороде призадумался, сразу не решил, так как третий его сын Владимир еще очень молод был для княжения. Тогда пришел к Святославу богатырь земли Русской Добрыня Никитич, родной брат Малуши-ключницы, и сказал: "Посади в Новгороде сына своего Владимира, по моему наущению ждет его народ новгородский, а я князю стану защитой и опорой". Так Святослав и поступил. Но после его лютой смерти не было мира между братьями. Ярополк, наусканный своим воеводой, пошел войной на Олега, чтобы присоединить к Киевскому княжеству землю Древлянскую. Чем это закончилось известно. Олега убили и сбросили с моста, задавили толпой и лошадьми, как свидетельствуют старинные источники... А Владимир от такой междоусобной вражды вынужден был бежать к варягам (нынешним норвежцам, надо полагать) вместе со своим дядей Добрыней Никитичем, страшась нашествия Ярополка. И Новгородом после этого правили киевские посадники или, как позднее в России говорили, наместники. Только через три года возвратил себе Владимир данное ему отцом право и кресло. Как? Да собрал за это время на чужбине варяжскую дружину (наемников, как теперь говорят) и отвоевал свой город у брата. И вот тут настало время для мести. Дядька-воевода научил его: "Прежде чем отнять державу у брата, нужно заслать сватов в славный Полоцк, прося у варяжского князя

Рогволда его дочь Рогнеду, уже сговоренную за Ярополка, которому одной жены мало стало". Но своенравная Рогнеда, как писал в своем историческом очерке Александр Казанцев, и свидетельствуют документы, ответила Владимиру отказом: "Не хочу разувать робичича!" (Рожденного рабыней, мол). Этот ответ уязвил сердце князя, а Добрыню Никитича из себя вывел, ведь его же сестра – покойная Малуша, судя по словам Рогнеды, была сочтена рабой!.. Такого унижения и оскорбления ни Добрыня Никитич, ни молодой князь простить не могли. Разъяренные, бросили они дружину на Полоцк и взяли его в упорном бою. Владимир вошел в город победителем. И вот тогда, чтобы отомстить злодейке Рогнеде, и всему ее поганому и заносчивому роду, Добрыня Никитич подговорил юного князя, чтобы за унижение взять Рогнеду "пошибанием" (изнасилованием) на глазах плененных отца и братьев. Владимир согласился и прибавил: "Пусть знают нас. Кому над кем лежать должно". А когда утолил гнев и похоть, изнасиловал Рогнеду на глазах ее отца и братьев, которых слуги его на коленях да за волосы попридерживали, а саму Рогнеду на кровати за руки и ноги для князя распинали, то Добрыня полоцкого князя и княжат жизни лишил. Любили наши князья не только кровь вражескую, но и унижение великое врагов и обидчиков своих. Так что не все наши предки великодушными и благородными были в той мере, как теперь о них принято говорить. Хотя кое-кого из них позже и канонизировали, возвели в ранг святых. Бабка Владимира княгиня Ольга, мстя древлянам за убийство своего мужа князя Игоря, первых древлянских послов велела с почетом внести в город в ладьях. Как они гордились и радовались такой великой чести, глупые. И как орали истошно, когда из тех же ладей их вывалили в ямы с тлеющими углями, и еще живых закопали, землей засыпали. Не потому ли, словно генетически, аукнется эта расправа над единокровными братьями через несколько веков? Когда польская шляхта войдет в город Фастов под Киевом, и будет в отместку за восстание на Украине загонять в избы людей и сжигать. А тех, кто спасется от огня, сажать на колья, с живых кожу снимать, а живых казачьих младенцев на решетке, под которой были горячие угли, поджаривать и раздувать жаркий огонь панскими шляпами?

– О, господи, – не поверила своим ушам Лиза. – Да что они, нелюди, или монстры, вот так с детьми! А ты откуда знаешь? Может, это просто выдумка чья-то?

– Если бы. На самом деле все так и было. – Стал уверять ее Гаев. – Ты про Стеньку Разина читала. Так вот, в книге Степана Павловича Злобина этот случай хорошо и подробно описан. Да и в народе, среди донских казаков сохранился пересказ тех трагических событий, о которых принесли вести в столицу казачьего Дона собратья запорожцы во главе с полковником Бобой, прося помощи и поддержки в их борьбе с польской шляхтой и для присоединения Украины к Российской империи. Не они ли заронили в сердце будущего предводителя крестьянского восстания Степана Разина лютую ненависть к панам и нашим боярам? Ведь при своей жизни примерно такие же расправы над казаками и крестьянами, как описанные выше, придется увидеть ему в той же Симбирской и других российских губерниях в семнадцатом веке. Но не буду заскакивать вперед. Вернусь ко времени мести княгини Ольги. Вторых послов от древлян она приняла в тереме, угостила, баню даже велела им истопить. А как начали хмельные послы мыться, велела подпереть двери и баню поджечь. Потом сама в землю древлянскую отправилась, на могиле Игоря тризну устроила, перепоила на ней древлянских воинов и приказала сопровождавшим ее дружинникам посечь пьяных древлян, как траву мечами острыми.

– Эхма! – еще раз удивилась такому ужасу Лиза. – Да неужели она безбожница была, и креста на ней не было?

– Тогда еще не было. Но и христианкой став, бабка с гордостью о том вспоминала, в красоте и здравии до старости дожила, и посейчас ее мудрой зовут, великой, никакие боги не прогневались на нее. Вот такие мы русские. Вот такие у нас корни!..

– Страшно! Неужели все это так и было! – поразилась Лиза. – А мы привыкли только про зверства фашистов и чеченцев вспоминать. А наши русские, выходит, тоже отличались?

– Было, было! Куда ж от этого денешься. Кстати, и на Константинополь свое войско, как выясняется, князь Владимир не только ради славы и богатств водил, а еще и ради того, чтобы завладеть красавицей Анной – дочерью византийского царя, равной по красоте которой не было. Вообще он большой женолюб был. У него по нескольким русским городам до восьмисот жен и наложниц до той поры насчитывалось. Самого царя Соломона переплюнул! А вот как после своего буйного язычества и распутства принял христианство, с одной Анной – этой самой константинопольской своей любовью – и жил, счастье увидел. А после, чтобы искупить свои множественные грехи, по всей Руси храмы строил. Не было бы сегодня Золотого Кольца вокруг Москвы, если бы не он, и его грехи. Вот как все перепутано!

– Так уж и не было бы? – не поверила Лиза.

– Точно говорю, не было бы. Ни Успенского, ни Дмитриевского, ни других соборов, ни "Золотых" ворот. Не было бы ни Суздали, ни Ростова великого, с его звонницами.

– Ох, какой же ты у меня молодец, столько знаешь! – с восторгом похвалила Юрия Елизавета, когда он закончил свой рассказ.

Она радовалась, что ей выпала судьба познакомиться с таким интересным и начитанным человеком, к которому она чувствовала все большую и большую привязанность. Нет, простой привязанностью и приятным знакомством этого уже нельзя было назвать. Постепенно ее чувство к Юрию выросло во что-то большее и, глядя на него, она уже чувствовала в груди прилив какого-то опьяняющего тепла. Казалось, все наполнялось невиданным ранее лучезарным светом, от которого тянуло в безграничные просторы синего неба и хотелось парить, как птице над Волгой или ее притоком – Самарой, на берегу которой стояло ее село... Так легко и хорошо было на душе, словно от реального прикосновения какого-то божества или настоящего счастья. Даже легкая дрожь невольно пробегала по коже. Уже второй час они сидели в ее горнице, и молодое тело изнывало от неподвижности. Так и подмывало встать и полететь. В то же время, словно какой-то магнит, удерживал ее подле ее друга, и она, как во сне, ощущала в каждой своей клеточке приятную истому, от которой хотелось вскрикнуть и слиться с молодым человеком в жарком и нерасторжимом объятии. Но ее удерживала девичья гордость, и она только изредка ерзала от нетерпения на мягком стуле и бросала огненные взоры на Юрия, продолжала с удивлением и восторгом слушать все новые и новые рассказы, почерпнутые Юрием из исторических журналов и книг, а также из архивов. Лизе уже исполнилось двадцать с лишним лет, и она три года, как закончила десятилетку. Но только сейчас девушка узнала, что русские люди и, возможно, ее единокровные предки, плавали по Днепру и Дону, Волге, Каспию и Черному морю и задолго до того времени, о котором рассказал ее друг. Он установил, что, оказывается, до упомянутых выше походов, известных нашим историкам, и описанных в дореволюционной и советской исторической литературе и журналах, были и более ранние, отмеченные в других местах и другими исследователями, а также летописцами прошлого. Согласно записи, сделанной Феофаном под 774 годом, большой русский флот появился под стенами Константинополя. Этот флот состоял из двух тысяч легких и подвижных судов. Через четыре года после этого события, как отмечал в своих записках русский исследователь отечественной истории Сергей Марков, разыгралась известная битва в ущелье Ронсевала в Наварре. Народная молва включила в число участников этого сражения руссов и славян.

В 949 году девять русских кораблей с 600 воинами помогали византийскому адмиралу в его походе к Криту. Остров Крит, захваченный сарацинами, угрожал безопасности Константинополя. Византия прибегала к помощи руссов и в 960-961 годах, когда полководцу Никифору Фока удалось, наконец, покорить Крит. Два года спустя, русы праздновали победы над сарацинами в Сицилии и Сирии.

Византийский император Константин Багрянородный около 950 года мог получить непосредственно из уст самих руссов сведения «о различных народах востока и севера» для своего сочинения «Об управлении империей». Константин Багрянородный, в частности, писал, что

в 935 году, во времена князя Игоря, в просторах Средиземного моря действовало семь русских кораблей. Сопоставив свидетельства византийских и восточных историков, легко прийти к убеждению, что руссы VIII-X веков являлись представителями славянских племен. Руссы плавали в Средиземном море, побывали в Африке и Андалузии, о чем свидетельствует целый ряд древних летописей. Еще раньше, в 927 году у берегов Африки появилось тридцать военных кораблей. Этим флотом командовал славянин по имени Сариб...

Когда Елизавета услышала это имя, то ее словно осенило: «Послушай, Юр, а у нас по материнской линии, кажется, бабушка или прабабушка носила фамилию Сарибова. Может, это имеет какое-то отношение к тому Сарibu?»

– Может быть, хотя в Поволжье такая фамилия не редко встречается. – Заметил Юрий. Он с нежностью взглянул на нее и отметил про себя не только то, какая она хорошенькая, словно спелая ягода, но и любознательная, не «кусочек мяса», как говорил про некоторых женщин его отец. – Но, скорее всего, кто-то из этой фамилии обязан ею своему отдаленному предку-мореходу.

– А почему, как ты думаешь? – Всерьез поинтересовалась, подтверждая его скрытые мысли, Елизавета.

– В древности, точнее в XI веке, в Сирии жил ученый Имад ад-Дин Исмаил Абу. Так вот он и записал эти сведения о славянах. Кстати, в истории есть и более ранние сведения о пребывании славян в странах арабского мира или халифата, как они тогда называли. К примеру, в 648 году пять тысяч славян поселились в области Аламее (Сирия) в городке Скаковал. В 675 году двадцать тысяч славянских воинов заключили союз с арабским полководцем Мухаммедом, воевавшим с византийцами. Тем самым мусульманским пророком, которого сегодня почитают и к слову которого до сих пор прислушиваются, как к божьему, мусульмане, исповедующие ислам. Мудрее были предки, чем мы. В союзниках ходили, а не джихады объявляли или антитеррористические операции. Еще тогда светлые головы поняли, что даже худой мир лучше самой хорошей войны.

– Ну, это само собой!..

– Конечно. В 678 году Гиат ибн-Гаут из Дамаска описывал «толпу славян русских». Славяне привозили для продажи при дворе Гарун аль-Рашида горностаевые и собольи меха. Русские меха доставлялись также в Северную Африку и Арабскую Испанию. Действительное пребывание славян в Африке дало повод составителю «Песни о Роланде» включить в число союзников египетского эмира Балигана лютичей, руссов, ляхов и представителей других славянских народов, имеющих к нам отношение. Есть и известия, оставленные в 950 году уроженцем Персии, ученым Абу-Исхаком ал-Истархи – автором «Книги путей государства». К книге было приложено несколько карт. Истархи имел представление о Каспии, Волге, Хорезмийском озере (Аральское море), Булгарии, где мы, собственно, сейчас живем, Хорезме. Он писал о богатом Киеве. О торговле русским льном в Дербенте и собольем рынке Булгара – столицы Булгарского царства (Современный Татарстан), – откуда драгоценные меха расходились по всему миру. Кстати, еще тогда Ал-Истархи определял положение земли «Син» (Китай) между «Славонией» и Тибетом. Он знал о крайнем северо-востоке нашей страны – «земле Яджудж и Маджудж», лежащей в сорока днях пути от «Славонии». Древний географ высчитал расстояния от Руси до Константинополя и Сирии. Ал-Истархи встречался в свое время с багдадцем Ибн-Хаукалем, которому передал часть своих сочинений и карт. Багдадский писатель, в свою очередь, использовал сообщения ал-Истархи. Оба они вошли в историю науки, как создатели «Атласа Ислама». Ибн-Хаукалю, между прочим, принадлежит сообщение о существовании в Палермо (Это на Сицилии, если не забыла) славянского пригорода, более населенного, чем само Палермо. В славянской части находилась морская гавань. Ибн-Хаукаль говорил также о пребывании славян в земле франков. Современники Ибн-Хаукаля и ал-Истархи писали о славянах, посещавших на кораблях Африку и даже живших в ней. Это происходило в годы княжения на Руси

Игоря. Думается, что походы и контакты руссов с представителями древних народов случались и задолго до этого. И как бы то ни было, твой предок мог побывать вместе с дружинами руссов даже в Египте, где судьба и свела его с возлюбленной гречанкой. Ведь греки еще раньше славян расселились повсеместно по побережью Средиземноморья и также в Египте. Были там и представители многих других народов. Не зря Александрию, основанную Великим Александром Македонским, называли вторым Вавилоном. Еще до Киева ходили русские корабли по Днепру на Черное и Средиземное море из древней Ладоги. Она была значительным славянским (северорусским) поселением на скрещении водных путей из Балтики в Византию и арабские страны. А еще раньше наши предки плавали через Баренцево и Белое море из легендарной «Северной Атлантиды» или Гипербореи, которая, по сведениям ученых, располагалась на островах Северного Ледовитого океана и Кольском полуострове и осталась до сих пор достаточно не изученной и самой древней цивилизацией на северо-западе нашей страны. Наступление ледникового периода и повсеместное похолодание в северном полушарии земли вынудило людей уйти на юг. А высокие ледяные айсберги и торосы, надвигавшиеся с севера, стерли ее памятники и следы.

– Боже мой, как ты все это раскопал? – всплеснула руками Лиза.

– Да обыкновенно. – Поскромничал Юрий и продолжил свой рассказ. – О наших древних предках упоминал в своих трудах в конце первого тысячелетия от Рождества Христова знаменитый путешественник и ученый Востока Абур-Райхан ал-Бируни. Он в 995 году бежал в Джурджан, спасаясь от врагов, захвативших его родину – Хорезм.

Через Джурджан проходили торные пути, по которым славяне издревле, задолго до этого, водили свои торговые караваны в Багдад и другие города Востока.

Ал-Бируни описывал верования, обычаи, язык многих народов, показывал историю развития наук, в частности, астрономии и географии, у хорезмийцев, персов, греков, римлян.

Проведя в Джурджане около 15 лет, ал-Бируни возвратился на родину, но в 1017 году был взят в плен. Тринадцать лет провел он в ссылке в Афганистане и Индии. Как наши, иначе мыслящие в свое время. Помнишь диссидентов?

Про диссидентов – шестидесятников и семидесятников – Лиза читала и слышала. Понимала что это за люди. Их бы стало гораздо больше, если бы в Москве знали о настроениях в ее Бурьяновке. О том, как здесь простые мужики костерят федеральные власти за отсутствие внятной и эффективной аграрной политики, фактический развал в сельском хозяйстве. В эту минуту она подумала именно об этом и вспомнила родную ферму и свою Бурьяновку. Отвлеклась от Гаевского рассказа. А он все не унимался:

– Есть еще сведения, представляющие несомненный интерес. Около 1030 года ал-Бируни первым писал о море Саклабов (Северном море). Хорезмиец знал о народах далекого севера – веси, югре, слышал о Байкале и Ангаре. Он упоминал об Арале и Иссык-Куле, Ташкенте, известном ему уже тогда под этим именем. В «Книге сводок для познания драгоценностей» ал-Бируни писал о янтарном Славянском (Балтийском) море, о хрустале гор Армении и самоцветах Бадахшана.

– А я недавно прочла в газете, что в междуречье рек Кинеля и Волги люди жили еще и три, и пять тысяч лет назад.

– Да, такие же выводы сделаны нашими археологами и после раскопок, проведенных в 2003-2004 годах и в ряде других мест нашей Поволжской области. Похоже, уже вполне цивилизованные люди жили здесь в одно время с древними египтянами, римлянами и греками. Они пряли и ткали, носили льняную и шерстяную одежду, золотые и серебряные украшения. А то, что обнаружено в скифских курганах, в том числе и на территории нашего района (это более поздний период истории), вообще потрясает. Оказывается, уже тогда были и художники, и великолепные ювелиры, занимавшиеся художественным литьем и чеканкой золота и бронзы.

Видела в музее золотую пластину со стилизованным изображением горного козла? Это же из Андреевского кургана, что на территории нашего Богатовского района.

– Из кургана, который у Андреевки?

– Вот именно. Его скифы соорудили. А ведь скифы это же наши предки и есть. Раньше все думали, гадали – что за народ и куда он исчез? А теперь ученые не сомневаются, что от них и пошли росы, руссы и некоторые другие россияне. Не зря же Александр Блок писал в своем знаменитом стихотворении «Скифы»:

Да, скифы мы, да, россияне мы..

Что касается собственного генеалогического древа, то неутомимый исследователь практически восстановил его до пятидесятого колена, проведя несколько месяцев в библиотеках и архивах, читая записи в церковных книгах. По всему выходило, что один из отдаленных предков Юрия, некто Сервилий, в восемнадцатом веке в качестве нанятого кем-то из вельмож гувернера в поисках счастья приехал в Россию из Италии, да так и остался, женился на русской красавице невысокого происхождения. От них пошли дети и внуки, правнуки и праправнуки, отпрыском одного из которых – фармацевта Петра Ивановича и далее Михаила Николаевича – и был Гаев.

2.

В свои тридцать лет он, как ему казалось, еще ничего не успел. Лишь закончил сельскохозяйственную Академию да отслужил в армии. А вон у спешившего жить Мавроди в такие годы за плечами уже были финансовый концерн, финансовая пирамида и миллионы долларов, заработанных при помощи околпаченных соотечественников. Правда, было уже и уголовное дело... Кто не рискует, тот не пьет шампанского. А высокие понятия, в угоду которым раньше приносили в жертвы не только годы своей молодости, но и судьбы, что? Долг перед Родиной, обществом, предками? Конечно, такие понятия для него еще многое значили, хотя говорить о них вслух в молодежной среде уже стало почти неприлично. Раскусила молодежь, что бывшие поводыри общества нередко прикрывали этими святыми словами и понятиями собственные не совсем благовидные, мягко говоря, цели и дурачили народ, в который уже раз. Словно это было бессловесное стадо или такое послушное и удобное во все времена "пушечное мясо", которым можно было закрыть любую дыру в политике или выгодно продать, подставить, чтобы заработать на очередном межнациональном или ином конфликте собственные "очки" и деньги. Ведь, похоже, в верхах уже не гнушались ни чем. Даже оружие через "левых" посредников продавали врагам, чтобы они после этим же оружием убивали тех, кто стоял на страже безопасности страны и ее граждан. Да что говорить о такой мелочевке, если само правительство стало оказывать покровительство представителям иностранных, деловых кругов, в том числе и некоторым вчерашним "американским ястребам" из ВПК главного военного противника. По наивности и в эйфории сближения с ним названного партнером. Однако, как выяснилось, американцы совсем не спешат в наши объятья и не столь упрощенно, как российские политики, смотрят на взаимоотношения наших двух стран. И не только из деловых соображений приобретают предприятия стратегического значения и назначения. Вон и на местный металлургический комбинат с его алюминиевой катанкой и военными секретами замахнулись. Сам председатель Кабинета Министров помогает приобрести контрольный пакет акций предприятия, продукция которого идет на изготовление самолетов и космических ракет. А собственное самолетостроение и ракетостроение у него, похоже, в "бедных родственниках" числится. На ведущих предприятиях ВПК РФ премьер практически не бывает. О чьих же интересах он заботится? Трудно сразу понять. Но немало сомнений и подозрений возникает при внимательном взоре на его деятельность. Вот и последние льготы у пенсионеров отобрали, и в здравоохранении такого понаделали, что теперь лучше не болеть. Одним испугом от стоимости медицинских услуг многих вылечили. А что еще будет! Говорят, скоро двухмиллионную численность врачей сразу на 300 тысяч сократят. И умелые "домашние врачи" заменят накладные услуги ученых и не очень ученых-диагностиков и других "узких" специалистов. Наверное, что-то придумали и, как в достопамятные времена, что-то держат в секрете. Японцы вон тоже не все сразу открывают. Так и наши. Есть у них в загогулиях и карманные томографы, и рентген-аппараты, и эндоскопы, и компьютеры на новых жидких, а, возможно, и твердых кристаллах с памятью в миллионы Гигабайт. У нас ведь в России прогресс ни на минуту не останавливается, и "левшей", типа лесковского, всегда хватает. От размеров финансовых вложений в науку ничего не зависит. И так принесут в Дом Правительства свои изобретения в готовом виде и попросят для их запуска на поток денег из бюджета. И несут. Сколько таких штукочек по сейфам чиновников попрянуто. А что делать? На все денег никогда не хватит. Их, как известно, много не бывает. А может, это все от злого умысла? – размышлял Юрий. – Заслали к нам в страну шпионов и диверсантов, пропихнули своих резидентов в наши министерства и администрацию президента и губят Россию потихоньку, переводят наш народ? Вон и территориальные уступки легко стали делать. Говорят, скоро Курильские острова японцам отдадут. И почему не поверить в такой слух? Крым и Измайльскую область – Украине, Нарву – Эстонии отдали. А

сейчас там что? НАТО скоро у Смоленска и Курска стоять будет. Не зря же в свое время тот же предсовмина столько лет за границей проработал. Может, завербовали и используют на всю катушку. А мы должны отдуваться? Помнить о своем гражданском долге, призвании? О них как-то потихоньку позабыли, а если не забыли, то говорят только глупым людям. Вон некоторые его однокашники, с которыми он учился в академии, плюнули на призвание и занялись коммерцией, потому, как работа по полученной в академии профессии денег не приносила. Жить, едва сводя концы с концами, не пользуясь многими и многими благами цивилизации, было унижительно. Ведь на такую зарплату невозможно даже билеты на концерт какой-то московской звезды приобрести. Чтобы порадовать своих девушек. Или съездить с ними в областной центр и сводить в театр, не говоря уже о дорогих и недоступных для них ресторанах. А ведь ни он, Юрий Гаев, ни многие его сверстники, честно горбатившиеся теперь на фермах, не заслужили такого отношения к себе со стороны государства и общества. Они все делали, чтобы накормить его мясом и молоком – другими натуральными продуктами, по своему качеству превосходившими зарубежные аналоги. Да и до этого, во время службы в армии, от трудностей и опасностей не бегали, служили России честно и мужественно.

Юрию на его долю выпала Чечня, где он в составе взвода полковой разведки не раз участвовал в боевых стычках, облазил самые опасные участки Черных гор, поросшие буковым лесом. В бою под Сержень-Юртом (Подлесным) едва не погиб, вместе с другими разведчиками, наравшимися на засаду, выставленную неподалеку от бывших пионерских лагерей и туристической базы, превращенных боевиками в опорный пункт и место обучения и отдыха. Особенно жаркие боестолкновения произошли на Лысой горе и вблизи расположенной у ее подножия турбазы на выезде из Сержень-Юрта, занимавшей важное стратегическое положение. С одной стороны она примыкала к небольшой, но сильно разливавшейся в период дождей и бурной горной реке Хулхулау (Белке). С другой – к асфальтированной дороге, ведущей из Грозного, Аргуна, и Шали к Ведено и к озеру Кезеной Ам. Там в мирное время располагалась база олимпийской сборной страны по академической гребле. Далее дорога вела в дагестанский райцентр Ботлих. Все эти места хорошо известны были еще со времен первой Кавказской войны, имама Шамиля. Сюда пытались пройти за много веков до этого, но так и не прошли войска Тамерлана, полки Чингисхана и хазар, а также скифов. Чеченцы или вайнахи, как их называли раньше, поселились в этих местах много тысяч лет назад. (Историки и археологи говорят о 3-4 тысячах лет). Доказательств тому было немало. Раскопки, проведенные у села Бамут, Ведено, Сержень-Юрт, и сделанные там находки, датированные последним тысячелетием до нашей эры, подтвердили этот вывод ученых. Более того, у Бамута был найден самый древний в мире котел для приготовления горячей пищи. А, кроме того, как помнил Юрий, по рассказам отца, тот, будучи школьником и сыном нефтяника, отдыхал тут, в лагере «Дружба» вместе с детьми грозненских нефтяников и нефтепереработчиков и еще в ту пору познакомился со своей будущей женой – матерью Юрия. Через несколько лет они встретились на одном факультете в Грозненском нефтяном институте и уже по-настоящему сдружились и затем полюбили друг друга. Но это, как говорится, уже другая тема. Однако Юрий помнил, как задорно зажигались глаза отца и матери при воспоминании об их молодости и этих местах, в ту пору овеянных великой поэзией Пушкина и Лермонтова, любимых и посещаемых многими. Гаев – старший вместе со студентами своего курса (и с ним мать Юрия) уходил отсюда в семидневный поход к Голубым озерам. По горной тропе, убегавшей над Веденским ущельем по гребню хребта, с обеих сторон поросшему реликтовыми чинарами и буками. Черда вначале изумрудных, потом постепенно синеющих от чистейшего горного воздуха, и в конце уже почти седых холмов доходила до отвесных и скалистых бастионов Главного Кавказского хребта. Казалось, громкое слово или эхо от вскрика, перекатываясь по пологим и крутым горам, добиралось до самых отдаленных селений и высоких скал, через которые не всегда переваливали проплывавшие, словно корабли, белоснежные облака. В горных ключах и ручьях, сбегаящих к Хулхулау по лесным

дебрям и глубоким ущельям, где водились кабаны и медведи, а выше в горах – благородные кавказские олени и туры, и даже завезенные сюда из Беловежской пуши зубры, отражались высокое голубое небо и ласковое солнце, счастливые лица людей. В ту пору они больше думали о дружбе и любви, нежели о войне. Рядом с чистейшими ключами на небольших, салатного цвета, полянах, облитых солнцем, было много земляники, в воздухе летом стоял ее пряный запах, так и манивший мальчишек и девчонок собрать полные пригоршни спелых и сочных ягод, и полакомиться ими, обрызгавшись соком раздавленных алых головок. Эти ягоды робко высывались из под невысокой травы лесных опушек и пролысин. После таких забав губы у лагерной детворы становились, словно подкрашенными губной помадой. Ближе к лагерям и на их территории росли старинные и пышнолиственные, изумрудно-зеленые и отбрасывавшие ароматнейшую тень деревья грецких орехов. С правой стороны Хулхулау в ее пойме и местами повыше в горах давным-давно были высажены ореховые рощи. Воздух в ту пору здесь был целебным. Мать и отец уже перед самой отправкой Юрия в армию (а куда он попадет было уже известно) с восторгом рассказывали о чудной природе здешних мест, и радушии горцев, друзьях, оставшихся у них в Чечне. Вспоминали даже о том, что там, под Сержень-Юртом, они любили друг друга и зачинали своего первенца. Их рассказы всплывали в его памяти, когда он полз на брюхе по склону со всех сторон неприкрытой от вражеских пуль и мин Лысой (оставшейся без леса, потому и лысой) горе над Сержень-Юртом, и все это уже казалось ему совершенно неправдоподобным. И позже, когда он угодил в военный госпиталь с ранением в ногу, и читал от скуки книжки, более реальными показались воспоминания М. Чичаговой – современницы имама Шамиля. Она описывала его биографию и рассказывала о его тридцатилетнем сопротивлении русским войскам, пребывании в Дарго-Ведено (недалеко от Сержень-Юрта) и, в частности, пленении двух наших соотечественниц: княгини Анны Ильиничны Чавчавадзе, супруги князя Давида Александровича Чавчавадзе и сестры ее княгини Варвары Ильиничны Орбелиани. Чем привлекла Юрия эта история? Да, прежде всего тем, как правдиво передавала со слов очевидцев обстоятельства тех давних событий автор книги. И в этой правде, как в зеркале, можно было увидеть многое. А, сравнивая прошлое с настоящим, делать выводы. К примеру, о том, почему с тех пор так деградировали некоторые люди, претендующие на особое, лидирующее положение в окружающем их обществе. Как низко пала нравственность и, кажется, ничуть не подорожала человеческая жизнь. Юра знал, что именно Веденское и Аргунское ущелья и расположенные по обоим их краям горы и леса были настоящим оплотом для чеченцев. Во время любых нашествий кочевников в древние времена, первую Кавказскую войну, на Большой Чеченской равнине с плохо вооруженными вайнахами, хотя те и дрались отчаянно, рубились, как черти, быстро разбирались. А вот в горах удача чаще сопутствовала хорошо знавшим их горцам. Потому и были Черные (не только по цвету, особенно в зимнюю пору, когда опадала листва с деревьев, но и из-за многих скрываемых ими бед людских) горы оплотом независимости для вайнахов, отпугивали неприятелей. Знал также рядовой Юрий Гаев и о том, как боевики – потомки тех вайнахов – поступали с попавшими в плен русскими солдатами. Если в XIX веке их сажали в земляные тюрьмы – глубоко вырытые ямы – зиданы (читал «Кавказского пленника» Л.Н.Толстого), то теперь к этому прибавилось много отрезанных кинжалами и чеченскими ножами русских голов или выпущенных кишок. Послушные пленные превращались в покорных рабов, выполнявших самую черную работу и живших (если это можно назвать жизнью) впроголодь, на одном хлебе и воде. А чего еще было ждать гяурам, как их презрительно звали чеченцы, после того, как они с оружием в руках пришли на их землю и столько всего натворили! Многие дома бомбами и снарядами разрушили, джигитов побили, деньги и золотые украшения во время зачисток забирали. Женщин и девушек насиловали! Война не щадила ни ту, ни другую стороны. На жестокость отвечали жестокостью, на кровь – кровью, на цинизм и нарушение всяких норм нравственности – тем же...

Хватало жестокости и раньше, но великодушия тогда, что у чеченцев, даже у абреков, что у русских воинов, было все-таки больше. "Планка" человечности и религиозной терпимости в XX веке явно понизилась. Впрочем, у рядовых противников она и тогда была не на высоте. Вот что писала по этому поводу та же М. Чичагова или описывавший в своей книге этот же случай ее современник господин Вердеровский. Через полтора года после замужества княгиня Варвара Ильинична Орбелиани (она же дочь грузинского царевича и внука последнего венчанного государя Грузии Георгия XI) 20 декабря 1853 года схоронила мужа в одной могиле с сыном, первенцем, в Тифлисе (Тбилиси – совр.). После того, как ее муж восемь месяцев находился в плену у Шамиля и затем погиб геройской смертью в бою при Баш-Кадышляре. Через шесть месяцев после такой тяжелой утраты ей и ее сестре Анне Ильиничне пришлось пережить еще одно горе. В имении князя Чавчавадзе в Кахетии, в Цинандалахе (с. Цинандали – совр.) они были захвачены дикими горцами во время их нападения на это имение, позднее перешедшее в собственность самого российского государя-императора.

Шамиль строго приказал мюридам никого из пленниц не обижать и велел передать им, что если будет принесена жалоба на кого-нибудь из них «в нанесении им оскорблений», с того слетит голова с плеч. Но этой угрозе дикие горцы нисколько не внимали; они беспощадно обращались с княгинями во время всего путешествия до Дарго-Ведено. Да и как Шамиль мог узнать о безобразиях мюридов в отношении пленниц? Они даже не позволяли себе и подумать о том, чтобы пожаловаться на своих похитителей в такой ситуации. Жаловаться было просто некому. А жаловаться было на что.

Даже через полтора с лишним века после тех событий нельзя без содрогания сердца вспоминать об эпизодах из того несчастного путешествия сестер Чавчавадзе через горы и леса. Княгиня Анна Ильинична не только проделала опасный путь, но и попала в такие, говоря современным языком, переплеты, что и в наше жестокое время они не кажутся заурядными. Даже относительно глубокие и бурные реки, где не трудно было утонуть, с ребенком на руках, она переходила пешком в брод. Переходя, таким образом, через реку Кизисхев, где вода была по грудь, она потеряла равновесие и была унесена течением. Чеченцы, переправлявшиеся на лошадях, успели выхватить из ее рук ребенка, и она, увлекаемая мощным потоком воды, в ужасе уже почти распрощалась с ним. Фактически княгиня уже готова была к смерти, и лишь сознание того, что малыш остается в руках злодеев, заставляло ее бороться с потоком и пытаться выплыть. Она несколько раз ударила коленами о встречавшиеся под водой валуны, но словно не чувствовала боли – то ли от ледяной воды, спускавшейся с ледника, то ли от охватившего ее ужаса. Течением ее отнесло к правому каменистому внизу, и глиняному чуть выше берегу реки, поросшему лещиной, где княгиня успела схватиться в судорожном движении за одну из веток куста, накренившегося над водой после того, как река подмыла некоторые из его корней. Подоспевшие горцы вытащили ее из воды – полуживую, мокрую, полураздетую и все еще не пришедшую в себя. Один из мюридов посадил княгиню позади себя на седло и, видя, что у нее нет сил держаться, засунул руку пленницы себе за ременный пояс и крепко стянул его. Чтобы та не упала с коня. В левую руку ей отдали ребенка, которого тоже было очень трудно держать. А чеченец поскакал по весь опор, не обращая внимания на несчастную и ее мольбы. Рука у княгини стала постепенно неметь и ныть от тупой боли, она уже не могла нормально удерживать ребенка. Он соскользнул с груди, и женщина только успела поймать его за ножку. Так, висая некоторое время головой вниз, он раскачивался в ее руке из стороны в сторону, бился то о стремя, то о ноги скачущей лошади, потом вырвался и с криком упал на землю. Скакавшие следом горцы на лошадях невольно растоптали малыша. А везший княгиню мюрид не обращал ни на ее, ни на детские крики никакого внимания.

От случившегося на ее глазах Варвара Ильинична потеряла сознание и лишь временами приходила в себя. Но когда доехали вечером до привала, снова упала в обморок. В чувство ее привела сестра Анна. И только тогда к ней вернулись силы, желание жить – с радостью,

перемешанной с горечью, когда она увидела подле себя и других своих детей – Салому шести лет, Марию – пяти и Тамару – трех. Вторую сестру Анну тоже ждало горе. Ее сына – младенца Александра – чеченцы имели жестокость или, как писала М. Чичагова, «варварство» разлучить с кормилицей. Княгиня Орбелиани взяла его к себе. Она сняла с себя все, что могла, чтобы прикрыть дрожавшую от холода и страха свою сестру. Один из провожатых сжалился было над бедной пленницей, и приказал отдать ей ее платье, но его не послушали. Гувернантку детей, француженку М-Пе Дрансе, обогрели ударами плетей, а ругавшуюся на чеченцев няньку вообще изрубили ...

Не скоро пленницы пришли в себя по приезду в Ведено, не скоро оправились от трудного и опасного пути, нахлынувшего горя и всего, что им пришлось испытать в эти дни. Правда, как рассказывали очевидцы, здесь жизнь их была, по крайней мере, лишена всяких ужасающих картин. О женщинах проявил заботу сам Шамиль. Однажды по его приказанию в их комнате переделали камин, чтобы женщины и их дети не мерзли. По окончании этой работы имам, желая лично убедиться в том, что она выполнена хорошо, зашел в комнату, отведенную княгиням. Их на это время вывели оттуда, чтобы они не могли встретиться с священной особой. Осматривая камин, Шамиль нашел в нем котелок с водой, в котором плавало несколько тощих луковиц. Увидев готовящуюся скудную пищу для пленниц, Шамиль разразился гневом, потребовал вызвать свою жену Зайдат и сделал ей строгий выговор за такое отношение к пленницам. «Разве так надо кормить пленниц?» – сказал он, сурово нахмутив брови. Через полчаса другая его жена Шуанет принесла княгиням и детям чаю, масла, риса и всего, что можно было достать на скорую руку. «Ешьте, и благодарите Аллаха за то, что он послал вас к Шамилю, а то бы сдохли, как голодные собаки!» – недовольно бросила она русским пленницам.

Шамиль, как вычитал Юрий, больше никогда не заходил в комнату к пленницам. Да и они его не видели. Но он велел им передать, что лично к ним он ничего дурного не имеет. Целью их пленения была выручка его сына Джемал-Эддина, находившегося в плену у русских. Имам дал обещание обходиться с ними как с родными, при условии, если те не будут писать к своим родным и просить их о помощи. В противном случае он угрожал им поступить с ними так, как с десятью русскими офицерами, находившимися в плену и наказанными им. За то, что пытались вести переписку с родными и знакомыми через подкупаемых ими мюридов или знакомых горцев. Вон даже получили записку, запеченную в хлеб... За вероломство или обман имам не жалел никого. Даже своих. Не у одного мюрида слетела голова с плеч после того, как он не сдержал данного Шамилю слова или обманул, а еще хуже, предал его.

Княгини пробыли в плену восемь месяцев. Как ни тяжело, а порою, казалось, невыносимо было им жить у горцев, их поддерживала надежда на освобождение. Они верили, что рано или поздно наступит час избавления от горькой участи, и власти примут все меры для их скорейшего возвращения на родину.

10 марта 1854 года это, наконец-то, свершилось.

По предварительному соглашению, Шамиль с войском, численностью от пяти до шести тысяч человек, при нескольких орудиях, в сопровождении Даниэль-Бека, двенадцати султанов, выехали на левый берег реки Мичика. На правом берегу, напротив, остановился русский отряд под командованием генерал-майора барона Николаи в сопровождении князя Давида Александровича Чавчавадзе. Оба они с Джемал-Эджином, бывшим в то время поручиком Уланского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка, с конвоем из тридцати человек и деньгами для выкупа спустились к реке Мичик. Из отряда Шамиля отделился сын его Кази-Магомед с тридцатью мюридами, сопровождавшими арбы, на которых находились пленницы. Отряд перешел Мичик, и пленницам позволили пересечь в подготовленные для них экипажи. Между тем сын Шамиля Джемал-Эддин, возвращаемый из русского плена, в сопровождении двух русских офицеров ехал в сторону чеченцев. Офицеры должны были передать его отцу. За ними следовала повозка с деньгами – суммой выкупа за княгинь. На

Мичике Джемал-Эддину поднесли платье, которое он должен был одеть. Затем он поднялся с нашими офицерами на гору, где сидел его отец, окруженный мюридами. Над головой Шамиля горец держал большой синий зонтик. Имам был в белой чалме, зеленой чухе и желтых тавлинских сапогах, Сын его, сойдя с лошади, поцеловал ему руку. Шамиль обнял его и прослезился. Потом приветливо поклонился нашим офицерам и попросил их передать барону Николаи свою благодарность за его попечение о сыне и «ласки к нему». Наши офицеры распростились и уехали, а горцы открыли пальбу холостыми зарядами, приветствуя пленника и радуясь вместе с имамом его возвращению.

Сколько раз через полторы сотни лет в подобных обменах пленными приходилось участвовать и Юрию. Лежа в госпитале, он вспоминал эти эпизоды из своей службы в Чечне и задавался вопросом: «Неужели ничего за эти полтора века здесь не изменилось в отношении чеченцев к русским или в отношении русских к чеченцам?» Ведь, как ни вбивали офицеры солдатам в головы мысль о том, что это чеченцы начали войну против России и русских, они понимали, что пока война идет все-таки на земле Чечни. А не где-нибудь в Курской или Пермской областях, Подмосковье, наконец. Да и ведь Чечня – это часть России. Чеченцы в подавляющем большинстве своем свято верили в идею борьбы за свободу и независимость. Но вместе с тем хотели беспрепятственно ездить в Москву и другие крупные российские города. А в это же время в их новых зиданах сидели новые русские пленники. Слышал Юрий, что среди них были и его земляки – депутат Губернской Думы Татьяна Кузьмина и журналист Владимир Петров. Они приехали в Чечню в поисках пропавших солдат и, сами попали в ловушку. Были в плену у горцев даже русские православные священники из грозненской церкви и одного из сунженских казачьих храмов. Их морили голодом, избивали и издевались. А сами чеченцы, повторюсь, хотели свободно передвигаться по России, гулять по Москве, кутить в ее ресторанах, веселиться с русскими девушками... Что-то не сходилось. Во всем разобраться сразу было сложно. И потом, что, спрашивается, делают тут, за тысячи километров от своего дома, обученные в лагерях Хесболлы и Аль-Каиды арабы? Им бы со своими проблемами на Ближнем Востоке, в Ливане и Ираке разобраться, а туда же – воюют здесь с россиянами за деньги религиозных фанатиков. Объявили джихад. А того не ведают или не подают виду, что за всем этим стоят вечные враги России и православных, которых сами же и ненавидят. Как все неоднозначно и порой запутано в истории и современной жизни!.. С тех самых пор и появился у Юрия интерес к развязыванию различных исторических узелков и клубочков.

А еще он писал стихи. В том числе и на исторические темы. После своих раздумий об имаме Шамиле в нем как-то почти спонтанно родились такие строки:

ШАМИЛЬ

Вдалеке от Кавказа,
За тысячи миль,
У священного камня
Молился Шамиль.
Бритый череп
На солнце арабском блестел,
Прогибалась спина
И бешмет шелестел...
Что просил у Аллаха
В пустыне Шамиль,
От родного аула за
Тысячи миль? –
Знают чёрный валун
И горячий песок,
Да хранивший имама

Калужский лесок,
Где молился Аллаху
Мятежный имам,
Завещавший возмездие
Страшное нам,
За свободу, распятую
В Чёрных горах,
За бесчестие горцев
На вражьих пирах...
Но беззлобную песню
Поёт мне зурна...
Звук печали растёт,
Как росток из зерна.
Всё насквозь пробивает
Упрямый росток,
А пробьётся, и нежный
Раскроет листок.
Так и горец,
Судьбу испытанный душой,
Вдруг наполнится нежностью
Дружбы большой.
И откроет дорогу
Навстречу друзьям –
Без ухабов коварных
И мстительных ям...
Не напрасно в пустыне
Молился Шамиль,
От родного Кавказа
За тысячи миль!..
И недаром о братстве
Вещал Магомет
До того за туманную
Тысячу лет...
Сердцем друга и брата
Написан Коран,
А не кровью из старых,
Открывшихся ран.
Не отмщения просит
Бессмертный имам,
А прощения всем,
Заблудившимся нам.
Милосерден и Бог, и Великий Аллах
В светлых мыслях, словах
И бессмертных делах!
Через несколько дней он написал еще одно стихотворение.
НОЧЬ В ГОРАХ
Вспыхнула ветка сирени
Молнией резко в раме...
Встав, как ходжа на колени,

Кланялся гром над горами,
Бился о скалы с размаху,
И проклинал иноверцев,
Белого ливня рубаху
Рвал вместе с кожей и сердцем.
Стены качались от грома,
Стёкла дрожали от страха
В доме угрюмого гнома,
Стол освещался как плаха.
Было нервозно и жутко, -
Пахло слезами и кровью...
Горец ворочался чутко,
Бурку тянул к изголовью.
Верный кинжал под рукою
Трогал не спавшей ладонью,
Крепкой дышал аракою
Во тьму, словно в душу воронью...
Грозный хозяин за стенкой
Что-то шептал про расплату
С высохшей, древней чеченкой,
Стихшему вторя раскату...
В чётках старинного рода –
Каплей янтарной – обида
За унижение народа
И извиненье для вида...
Щурился в рамочке Сталин,
Равный, поди, только Богу,
Глядя с усмешкой, как Каин,
На грозовую дорогу.
Чёрная метка сирени
Вспыхнула молнией в раме, -
Страхом, пронзившим коренья
И облака над горами.

3.

Господи, когда же это все началось? Когда человек поднял камень или дубину на другого и, убив, воспользовался плодами его трудов? Несчастный двое суток бегал по горам, выматывая оленя. Наконец, загнал его в свою ловушку с острыми кольями, вырытую накануне. И когда убедился, что тот мертв, начал освежевывать, предварительно утолив жажду и голод кровью молодого и сильного животного. Неандерталец захмелел от этого. Он потрошил оленьё брюхо и бормотал однообразную дикую песню, когда его пристукнул другой, более удачливый и осмотрительный охотник, давно позарившийся на эти благодатные места. Его не остановило то, что эти земли принадлежали другому роду-племени. Он сам был голоден, как волк, да и жена с детьми, оставшиеся в находившейся за полтора десятка километров отсюда пещере, уже готовы были съесть друг друга. У него просто не было другого выхода, вот и нарушил табу, убил охотника из соседнего племени. Но кто об этом узнает? Сам он никому о своем воровском походе не расскажет, а неудачника унесут волны быстрой горной реки. Лишь бы лесное зверье не почуяло запах крови да не сбегалось к нему. А то не будет отбоя от волков или, того хуже, медведей, уже проснувшихся после долгой зимней спячки и страшно голодных и злых. Разорвут на части или наломают бока... Ану взвалил тяжелого и еще теплого оленя на могучие

плечи и пошел вначале вдоль берега, чтобы прибывавшая в реке вода смыла его следы, потом через прогалину в тальнике вышел к знакомой лесной тропе и направился к перевалу, за которым находилась его родная долина, и где жили его сородичи. Северный склон горы, поросшей могучими соснами, был еще покрыт слежавшимся и уже почерневшим от времени и весеннего тепла снегом. У подножий деревьев, раньше других освободившихся от ледяной корки и покрытых осыпавшимися сверху иголками хвои и шелухой от очищаемых орехов, выбрасываемых из гнезд лесными белками, уже выскакивали первые подснежники и пролески, наполняя воздух ароматом пришедшего обновления и надежды на спасение от голодной смерти. Ану совершенно не думал об этой красоте и запахах, острым обонянием улавливая совсем другие, доносимые ветерком запахи леса, среди которых его больше всего занимали настораживавшие запахи зверей, скрытых в лесных чащобах, и расположенного под горой на реке небольшого стойбища, в котором жили люди из дружественного, но все-таки не его племени. Если они узнают о его проделке и преступлении, быть войне. Придут мстить за нарушение условной границы и убитого сородича. Да и свои люди, если узнают правду о его охоте, шкуру спустят. Ведь таким поступком он создал угрозу для всех остальных. Могут даже опозорить перед женой и детьми и изгнать из племени. А отшельником долго не проживешь: либо зверь лесной задерет, либо охотники из другого племени настигнут и прибьют.

Плечи, покрытые волчьей шкурой, уже взмокли, и ноги, уставшие от долгого и невыносимо трудного подъема в гору, стали, как каменные и бессильные. Ану на мгновение прижался спиной к широкому стволу сосны и, слушая, как шумит ветер в ее кроне и бешено колотится его сердце, засомневался, что поступает правильно. Но отступать было глупо. Если станет известно об убийстве охотника из соседнего племени, то принесет он оленя домой или не принесет, его все равно не пощадят. К тому же и олени сами съедят, а его семья останется голодной, может погибнуть от голода. Так что уж, если погибать, то лучше сытым. Да и жена с детьми сумеют спастись от голода и выжить. А это главное. Род его должен продолжаться. Иначе духи не простят ему его мужского начала и покарают еще страшнее, чем сородичи из соседнего племени. Добытого оленя хватит для еды до самого лета. А там уже начнется совсем другая пора. К тому же ему теперь можно будет отоспаться вдоволь и отдохнуть от охоты, в сытости и тепле, женских ласках. И вообще спокойно пожить в родной пещере и даже порисовать в свободное время на каменной стене пережатой охрой сцены из его жизни. Обычно в такие минуты он рисовал незамысловатые сюжеты из опасного промысла, лесных зверей, на которых охотился с копьем и каменным ножом. И Эми – его жене – эти картины нравились, так как говорили о большом мужестве, силе и выносливости ее мужа, переносившего столько опасностей ради того, чтобы накормить их семью.

Разглядывая в отсветах поддерживаемого ею домашнего очага злых и разъяренных волков и львов, которых своим копьем поражал ее муж, она проникалась к нему чувством особой женской преданности и внутреннего, душевного тепла. Ее тянуло к нему – широкоплечему, пахнущему соленым потом и мускусом, игравшему ромбами мышц и такому близкому для нее. Она укладывала грудного ребенка на мягкое сооружение наподобие большого птичьего гнезда, выстланного мохом и покрытого шкурой горного козла, и осторожно подходила к Ану сзади, прикасаясь к нему теплыми и нежными ладонями, полными любви и горячего желания. Ану похотывал от удовольствия, заканчивая свою очередную картину и чувствуя руки жены на своей полуобнаженной спине, медленно оборачивался к Эми, и они опускались на одну из шкур, служивших им брачным ложем. Через много веков и тысячелетий все эти картины, как наяву, представит себе Гай Юлий Цезарь, проходя через Альпы, поросшие реликтовыми соснами со своим войском, и остановившись рядом с одной из таких пещер с настенными изображениями, оставленными потомкам древними людьми. Его богатая фантазия и сны нередко переносили молодого и пылкого полководца царской фамилии в такие миры и местности, времена и эпохи, что он сам диву давался. И свято верил в свое непростое, божествен-

ное происхождение, уже не первую жизнь на этой земле. Однажды он увидел во сне будущее человечества с его летающими и ползающими металлическими машинами-монстрами, грохотом артиллерийских орудий, мощными разрывами авиабомб и снарядов, и реками все такой же алой и горячей крови, казалось, пропитавшей все мировое пространство. Он увидел своих далеких потомков, воюющих друг с другом и все так же, как и в его эпоху, убивающих друг друга, вместо того, чтобы жить в мире и согласии и наслаждаться каждым днем жизни, отпущенной Богами. Говорят, с тех пор его стала мучить падучая болезнь и ночные кошмары, которые он старался забыть в своих собственных войнах и любовных пиршествах.

4.

Чтобы современный читатель понял, – писал в своем дневнике Юрий Гаев, мечтавший в будущем создать историческую книгу о далеком времени и великих людях, кровных связях с ними, – и оценил по достоинству масштаб человеческой личности, таланта и побудительных мотивов Гая Юлия Цезаря, его значение в истории не только Римского государства (развитии форм управления им), но и всего человечества, его интеллектуального подъема из тьмы невежества и необузданного корыстолюбия, замкнутости каждого отдельно взятого великого по своим временам или ничтожного человека в себе самом, не лишним будет хотя бы вкратце напомнить о государственном устройстве Древнего Рима и геополитическом пространстве, в котором находилась и существовала на протяжении целой эпохи эта империя. Юрий Гаев был убежден, что она оставила неизгладимый след не только в судьбе человечества и, в частности, Средиземноморья с прилегающими к нему странами, но и на военном искусстве, традициях и культуре, поступательном движении всей человеческой цивилизации к ее новым горизонтам, на человеческой мысли в ее чистом виде, наконец.

Сам молодой любитель-исследователь по прочтении "Записок Юлия Цезаря", «Пифолая» Авла Цецины со ссылками на письма Цезаря, других древних книг, не мог поверить, что еще за две с лишним тысячи лет до его появления на свет, оказывается, жили яркие мыслители, беллетристы, которые так ясно и глубоко не только мыслили, но и могли излагать свои мысли на бумаге. Кроме того, владели даром ораторов, полководцев, государственных деятелей, являлись отличными хронологами, историками, философами и писателями. Во многом тип их мышления, способы передачи мысли и информации при помощи данных человеку Богом инструментов свойственны и современным развитым людям. А основы и постулаты политики, принципы государственного устройства, управления и права, политические ценности и приобретения, божественные законы, по которым должны жить власть предержащие, актуальны и сегодня. Конечно, с течением времени, многое утратило свое прежнее значение для тех, кто правит в государствах, и тех, кто им подчиняется, но основные законы и условия мудрого управления странами и союзами стран, их благополучного существования и эволюции остались. Порой достаточно только оглянуться назад, чтобы, как в волшебном зеркале, увидеть не только то, что было до нас, но и понять самих себя, собственные достоинства и ошибки, найти ответы на мучительные вопросы современности. Но, как замечал Юрий Гаев, почему-то как раз такого вот желания жить в гармонии со своим прошлым, учиться на его опыте и ошибках, не повторять их и не спотыкаться на пути в будущее, не было у многих и многих современных политиков, в том числе и российских. А все от лени ума и от исторического невежества. – Делал он вывод и записывал его в дневник. – И еще – безответственности тех, кто взял на себя роль вершителей судеб других, но словно не понял, что нельзя успешно управлять страной и людьми в отрыве от громадного и такого важного для нас интеллектуального "багажа", накопленного и созданного нашими предками, имя которым земляне. Каждая страна и народ эволюционировали по-своему. Рождались, набивали шишки, учась ходить на двух ногах. Расцветали в атмосфере мира и любви. Угасали и гибли, не соизмерив своих шагов и поступков, устремлений с земной и звездной, общемировой логикой благополучного существования и развития, испытывая тяжелые болезни политических, экономических, культурных и нравственных ката-

клизмов. В их основе уже не в первый раз оставались лень и эгоизм, нежелание подняться над суетным и обратить свои взоры к космосу. Услышать голос невидимого, но всепроникающего Бога или чего-то высшего, не доступного и до конца не понятого, а потому и не оцененного нами. Как много теряют люди, порою ни разу в жизни не взявшие в руки книг, не прислушивающиеся к голосу минувших эпох и сегодняшним стонам планеты, живущие не в информационном поле Земли, написанном многими и многими поколениями наших предшественников, а возможно, еще и теми, кто за всем этим наблюдает с горькой усмешкой на Небесах и дается диву от того, что люди так не практичны даже в вопросах самосохранения и спасения от настигающих их глобальных бед и катастроф. Юрий Гаев был почти уверен, что Гай Юлий Цезарь был одним из тех редких людей на планете, которые понимали значение исторического опыта и жили с глубоко осознанной потребностью передать свое знание другим. В том числе и тем, кто придет на эту землю через тысячелетия. В нем жил талант ответственного властителя, заботившегося не только о сиюминутных интересах своей державы, дорожившего жизнью каждого солдата и даже раба, но и будущим их потомков и наследников, всего человечества. И именно поэтому, считал Юрий Гаев, нужно изучать историю, учиться пониманию законов ее развития, принципов государственного устройства и существования древних стран, особенно такого феномена, как Древний Рим и его яркие личности. Центром римского государства было Средиземноморье, а пограничными окраинами – на севере Рейн и Дунай, где приходилось воевать с германцами, а на востоке Евфрат, где римляне воевали с парфянами. Императорские наместники и другие должностные лица в этих провинциях назывались прокурорами и префектами, командиры легионов – легатами. Легионов при Августе было 25, приблизительно по 6 тысяч человек в каждом (не считая вспомогательных войск). Кроме того, в Риме стояло около 10 тысяч человек преторианской гвардии под начальством «префекта претория» – как бы личная охрана императора. После удачных компаний на границах в Риме справлялся триумф – торжественное шествие полководца и войска через весь город к храму Юпитера Капитолийского. Везли добычу, вели пленников и т.д. Главным героем триумфа считался император, даже если он лично не участвовал в войне.

Управлять большой державой только с помощью такого лично подобранного штата было невозможно. Поэтому император, как свидетельствовали указанные выше источники, опирался на государственный аппарат, оставленный ему республикой. Средоточием этого аппарата был сенат (совет старейшин) – около 600 человек. Считалось, что это потомки древнейших и знатнейших римских родов, но на практике он все время обновлялся и укреплялся «новыми людьми». Сенату принадлежал надзор за городом Римом, Италией и центральными провинциями государства. Сенат распоряжался основной государственной казной, издавал постановления и законы, в первую очередь, – по собственной инициативе, потом – все больше по указке императора.

Пополнялся сенат обычно отслужившими свой срок должностными лицами, как правило, из среды сенаторских же сыновей. Таких служб в сенаторской карьере сменялось несколько, каждая длилась год. Молодой человек служил год в какой-нибудь комиссии по городскому судопроизводству и благочинию. Через некоторое время становился одним из 20 квесторов, чиновников в Риме или провинции по финансовым делам. Еще через некоторое время одним из 10 трибунов или 4 эдилов, которые ведали благоустройством города и развлечениями народа. Затем – одним из 8 (или больше) преторов, занимавшихся преимущественно судебными делами. Наконец – одним из двух консулов, которые по республиканской традиции считались высшими правителями государства на текущий год. (Чтобы больше народу успело пройти через эту высокую должность, при императорах стали назначать «сменных консулов» – вторую, а то и третью пару в год.) Пределом карьеры считалось звание одного из двух цензоров – они вели списки граждан и занимались пополнением и сокращением состава сената. Это важное право имел пожизненно и сам император. Соответственно этой иерархии подавались

голоса и на заседаниях сената: вначале опрашивались бывшие консулы, потом бывшие преторы и т.д. Отслужив свой год, консулы и преторы отправлялись наместниками в подведомственные сенату провинции в звании проконсулов и пропреторов.

Такова была гражданская карьера сенатора. Военная его карьера складывалась несколько по-иному. Простой солдат мог дослужиться до высшего унтер-офицерского чина – центуриона, исключения – редкость – на этих старослужащих воинах держалась сила армии. Но молодой человек из хорошего дома, минуя солдатскую участь, мог начать службу прямо центурионом, а затем пройти три должности в легионе – начальство над конницей, начальство над вспомогательными войсками и начальство над легионом в целом. Эта последняя должность называлась «войсковой трибун»: их было шестеро в каждом легионе. При республике они командовали им посменно. При империи стали помощниками легата. Выслужившиеся таким образом кандидаты принимались в сенат по прямой рекомендации императора. Они могли притязать на должности преторов и консулов, требовавшие военного опыта. Разумеется, таким же образом император мог рекомендовать в сенат кого угодно, и это с благоговением принималось. Узнаете некоторые черты сходства и в современной российской или иной другой чиновничьей среде и иерархии?

Кроме гражданской и военной службы в политической жизни Рима играла свою роль жреческая служба: жрецы обеспечивали покровительство Богов римскому государству и могли при необходимости ускорить или задержать мероприятие, сославшись на небесные знаменья. Жреческие должности тоже были выборные, но не на год, а (обычно) пожизненно (Почти как в современной России или том же Ватикане у священнослужителей.). Верховная коллегия из 15 человек называлась понтификами (во главе с Великим понтификом). Жрецы Юпитера, Марса и Квирина назывались фламины. Жрецы Весты, поддерживавшие неугасимый огонь в ее храме, – девы-весталки, обязанные хранить целомудрие в течение 30 лет (Наша известная либералка и антикоммунистка их всех переплюнула, – думал Юрий Гаев.). Хранителями гадательных "сивиллиных книг", к которым государство обращалось в критические моменты, были квиндецемвиры ("15 мужей"). Гадателями по полету птиц – авгуры, гадателями по внутренностям жертвенных животных – гаруспики... Организованный таким образом и сам себя пополняющий сенат образовывал высшее сословие римского общества – сенатское сословие (Ну, впрямь наш истеблишмент). Для поддержания сенаторского достоинства сенатор должен был обладать большим состоянием (миллион сестерциев). Обедневшим потомкам древних родов иногда помогал деньгами сам император. (Ни последнего, ни того, что он делал, у нас в России давно не наблюдается. – Сделал пометку Юрий Гаев. – У нас олигархов бывший президент своими указами рождал или назначал и поддерживал. Напишет указ о передаче из госсобственности нефтяных месторождений или какого-то металлургического комбината, и готов новый олигарх или будущий сенатор).

Вторым, средним сословием римского общества были всадники (название это сохранилось с тех древнейших времен, когда член этого сословия должен был иметь средства на содержание боевого коня. Их имущественный ценз равнялся 400 тыс. сестерциев). (Однако! – тоже помечал на полях Юрий Гаев. – И сколько их было! Да с какими деньгами – этих средних, составлявших опору римского общества! У нас критерии насчет того, кто относится к высшему, кто к среднему классу, резко изменились в сторону их занижения по уровню доходов и общего благосостояния. Ведь на один сестерций тогда много чего можно было купить, не то, что на современный доллар, тем более рубль... Сестерций приравнивался к 400 граммам золота!).

Наконец, третьим и низшим сословием римского общества оставался народ – крестьяне–ремесленники, городская чернь. Многие из них, будучи неимущими, составляли как бы свиту сенаторов и богачей и кормились их подачками. Эти люди назывались "клиентами" своих патронов. (Без комментариев! – написал по этому поводу на полях записок древнеримского

хронографа Юрий Гаев. – А то, так и напрашивается по отношению к России определение – "Страна клиентов"). Жители Рима периодически собирались на народные собрания (на Марсовом поле перед городской стеной). Здесь народ должен был выбирать голосованием всех должностных лиц, вплоть до консулов. Голосование велось "по трибам"; народ был расписан на 35 округов, триб, и каждая триба подавала свой отдельный голос. В эпоху республики народное собрание представляло собой реальную политическую силу, и народ немало наживался, получая взятки с кандидатов (Сейчас разучились, только "политтехнологи" пользуются... – поместил Юрий Гаев.). В эпоху империи роль его свелась на нет и он только подтверждал кандидатуры, назначенные императором и одобренные сенатом (А вот это точно, как у нас. – Снова не удержался от собственной оценки Юрий Гаев).

Требованием ободневшего римского простонародья было "хлеба и зрелищ!"

Даровыми (или удешевленными) раздачами хлеба распоряжались часто сами императоры; поразить народ зрелищами или пышными постройками стремился каждый, кто искал популярности ради карьеры. Зрелища обычно бывали трех видов: в театре (под открытым небом, зрительские места полукольцом вокруг сцены) – комедии-фарсы, "мимы", сцены обычно из повседневной жизни. В амфитеатре ("двойной театр", тоже под открытым небом, зрительские места полным кольцом вокруг арены) – травля зверей и гладиаторские бои. В цирке (длинный стадион между двумя римскими холмами) – скачки колесниц. В порядке особой роскоши устраивались "навмахии", инсценировки морских сражений в специально вырытых прудах.

Молодой римлянин первые шесть лет своей жизни рос на попечении матери и нянек, а затем начинал учиться. Учение было трех ступеней и все сводилось к тому, что в наших школах называется "развитие речи": как на родном латинском языке, так и на необходимом для культурного человека греческом. Вначале "литератор" (он же "грамматист") учил мальчика начаткам чтения, письма и счета. Эту школу проходили все, неграмотных в Риме почти не было (полуграмотных – сколько угодно) (Тоже, как у нас, – снова записал Юрий Гаев). Затем "грамматик" занимался чтением с сопутствующими пояснениями классических авторов (из греческих – Гомера, из латинских – Энния, Теренция, потом Вергилия и др.). Здесь исследовались тонкости языка и стиля, а заодно – мифологии, астрономии, истории – всего, о чем хотя бы мимоходом упоминалось в читаемых текстах. Наконец, "ритор" переходил от обучения пассивному слову к обучению активному слову – к сочинению речей на вымышленные темы, вначале простые, потом сложные до вычурности. Тем, кто хотел сделать карьеру на штатском поприще, в суде и сенате, такие упражнения были драгоценны. (А наши тоже не спят, вон в организации "Новая цивилизация" тем же занялись, молодцы! Но все-таки не верным курсом идем, товарищи! – еще одна пометка на полях, сделанная Юрием Гаевым, за которую библиотекарь ЦБС настучала на него своей заведующей, а та, оставаясь тайным осведомителем органов безопасности, – патрону из райотдела ФСБ. А тот, как водится, занес Юрия Гаева в список неблагонадежных и не лояльно настроенных к власти, стало быть, потенциально опасных, и планировал в будущем создать ему немалые неприятности по службе. Благо, никакой замены для молодого зоотехника ни в его селе, ни в райцентре не было. Да и общался он только с книгами. А, кроме того, с коровами, ну, еще – с колхозной дояркой Елизаветой). В возрасте около 16 лет для древнего римлянина отмечалось совершеннолетие: юноша менял отроческую тогу с цветной каймой на белую взрослую и отныне начинал всерьез готовиться к будущей государственной карьере. И не только для того, чтобы, таким образом, приобрести средства и даже богатства, но и принести пользу своей стране. Как были наши помыслы чисты, когда мы в жизни только начинали!..

5.

Рассказывают, когда-то в древности жили на земле Иштар и Таммуз. Возлюбила прекрасная Иштар юного красавца Таммуза. Не могла она жить без него ни дня, ни мгновенья, а если

он отлучался, она находилась в великом волнении. Однажды отправился Таммуз в степь на охоту и не вернулся. От слуг, сопровождавших охотников, богиня узнала, что внезапно вихрь налетел и Таммуз упал, как надломанный тростник, и дух испустил.

Великая скорбь овладела богиней, Не могла она примириться со смертью того, кто был ей дороже жизни. Ничего другого бедняжке не оставалось, как обратить свои мысли и очи к стране без возврата, к обиталищу мрака, к Эрешкигаль, хозяйке подземного мира.

Облачилась Иштар в лучшие одеяния, запястья продела в кольца, перстнями украсила пальцы, уши – серьгами, подвесками – шею, обвила голову золотой тиарой и отправилась скорбной дорогой, которой спускаются тени умерших к Эрешкигаль. Труднее и опаснее этого пути для смертных и даже богов, считают мудрецы, нет. Дошла Иштар до ворот медных, которые лишь мертвым открыты, а живым недоступны.

– Откройте! Откройте! – кричала богиня, могучей рукой ударяя по меди, так что она, как бубен, гремела. – Откройте, а то обрушу я ваши ворота, сломаю ваши запоры и выпущу мертвых наружу. Привратники шум услышали и удивленно вскинули брови. Бесшумны ведь тени мертвых. Беспокойства они не приносят.

Шум услышала сама Эрешкигаль, и яростью наполнилось ее сердце.

– Кто там ко мне стучится, словно пьяный в двери таверны? Кто дал ему выпить столько сикеры?

– Это не пьяный! – почтительно промолвил страж. – Это богиня Иштар, твоя сестрица, за Таммузом явилась. Сейчас опрокинет ворота. А кто поднять их сумеет?

– Впусти! – приказала хозяйка подземного мира.

Со скрипом отворились ворота. Предстала богиня Иштар во всей своей великой и несравненной скорби. Но наглый привратник не содрогнулся. Глаза его жадно блеснули, когда взгляд упал на золотую тиару. И сняв с головы тиару, богиня ему ее протянула.

И снова пред нею ворота, ворота вторые из меди. Богиня вручила второму стражу кольца и серьги.

А потом – еще и еще ворота. Когда же седьмые ворота за ее спиной остались, нагой она оказалась среди душ, шуршащих во мраке, словно летучие мыши. На ощупь она пробиралась и натыкалась на стены, скользкие от крови и слез, натыкалась на камни, падала и поднималась.

Нет, не смогли сломить Иштар униженья. С головою, поднятой гордо, совершенно нагой и прекрасной в свете горящих масляных факелов она перед тронном предстала и хозяйке подземного мира сказала:

– Таммуза возврати мне, сестрица. Нет без него мне жизни.

– Закона нет, чтобы мертвым жизнь возвращать ради чьих-то капризов, – оборвала Эрешкигаль богиню. – Мало ли юнцов в верхнем мире? Пусть Таммуза заменят.

– Таммуз один для меня на свете. – Иштар возразила. – Прекрасному нет замены.

И тут Эрешкигаль обернулась, слуге своему Намтару, болезней владыке, рукою махнула. Наслал на Иштар он язв шестьдесят, да шесть тысяч болячек.

И затихла земля без Иштар. Травы расти перестали. Опустели птичьи гнезда. Овцы ягнят не рожали. Семьи людские распались. Овладело землей равнодушие, предвещавшее жизни полную гибель и победу могильного мрака.

Боги, глядя на землю с небес, ее не узнали. И, всполошившись, послали гонцов из Верхнего мира в мир Нижний с приказом:

– Иштар возвратить немедленно и с нею Таммуза.

Как ни кипела яростью Эрешкигаль, как по бедрам себя не колотила, как ни вопила, что нет возврата из царства ее, пришлось ей смириться.

В тот день, когда Иштар вместе с Таммузом возвратились на землю, весна наступила. Все на земле зацвело буйным цветеньем. Птицы запели в ветвях, любовь прославляя. Жены

вернулись к мужьям на брачные ложа. В храмах Иштар настежь все двери открылись. Ликующий хор голосов провозгласил

– Таммуз возродился! К любви возвратился Таммуз!*

К большой, всепоглощающей, полной непередаваемых радостей любви возвратился Таммуз и дарил ее щедро не только Иштар, но и всему, что их окружало на этой земле. Рассказывают, еще до приближения к дому, в котором жили эти счастливые влюбленные, многих охватывало настоящее, и, тем не менее, сладкое, приятное волнение. В их воображении возникали необыкновенно сочные, и полные прекрасных образов, сцены страстной и безудержной любви. Им предшествовали божественные молитвы и славословия, наполненные теплом любящих сердец и сравнимые с возвышенным творчеством и фантазированием, магическими действиями, в ходе которых они настраивали свои существа и души на новые и новые, доселе не испытывавшие способы и формы выражения своих чувств и наслаждений во время будущей близости друг с другом. Иштар готовила самые изысканные блюда и напитки для своего возлюбленного. И только из ее нежных, оголенных по плечи рук, облитых мягким розовым светом восходящего или заходящего солнца, нежно целовавшего каждую ее клеточку на гладкой и ароматной коже, он с наслаждением, доступным только необыкновенно любящим существам, принимал своими сочными и полными жизни губами божественную пищу. Вкусил ее и одновременно пожирал глазами полное прелести и живой игры, внутренней музыки и горячего чувства к нему, лицо возлюбленной. Оно в такие минуты и не только было для него настоящим светочем, яркой звездой в открытом и безграничном космосе, затмевавшим своим светом все остальное. Да ничего остального ему и не хотелось видеть. Он, словно в гипнозе, наслаждался только им, и благоговел только от него, все остальное для него утрачивало свое бывшее значение. Таммуз возгорался от любви и сам превращался в такой же могучий и всепроникающий свет, который соединялся и смешивался со светом любимой Иштар, и они, перейдя из физического состояния веществ в духовное, становились эфемерными и самыми счастливыми существами на земле. Все вокруг наполнялось светом их высочайшей любви. Искры этого света и жар любовного огня, наверное, попали и в сердце Гая Юлия Цезаря, рано узнавшего женскую власть, и в душу его далекого отпрыска – Юрия Гаева, многих и многих других землян, познавших это великое чувство.

—

* Таммуз – бог умирающей и воскресающей природы

6.

Лиза в первый раз влюбилась в шестнадцать лет. Тайно и, как ей казалось, совершенно безнадежно. Ведь ее возлюбленный – преподаватель математики – был лет на десять старше ее. К тому же, как поговаривали, он без памяти любил дочь какого-то банкира из областного центра, но остался ни с чем. Банкир не позволил дочери выйти замуж за нищего учителя, у которого даже собственной крыши над головой не завелось. А когда Валерий Иванович Иванов появился на пороге их загородного "замка" с букетом роз, на который ухлопал чуть ли не всю свою зарплату, потенциальный тесть, смекнув в чем дело, приказал охране вышвырнуть молодого человека, осмелившегося попросить руки его дочери, за ворота и больше никогда не впускать. Два плотных здоровяка, одетых в кожаные куртки, брезгливо оглядели с ног до головы отчаянного влюбленного. Потом саркастически улыбнулись, переглянулись и поняли друг друга без слов. Подошли к обескураженному и побледневшему от негодования и возмущения жениху-неудачнику и, несколько раз пройдясь по его ребрам своими увесистыми и набитыми о тренировочные груши кулаками, тоном, не терпящим возражения, откровенно предупредили, что, если еще раз увидят его рядом с домом хозяина или его дочерью, то "замочат". "Ищи себе ровню, Наташа не для таких оборванцев, как ты, она дорогого стоит» ... – так и звенело в ушах и в душе бывшего ее однокашника (учились в одном институте) Валерия. Он немного раньше Наташи окончил университет с красным дипломом, и подавал, по словам

преподавателей, большие надежды на будущем педагогическом поприще. Но кому нужны все эти способности, – думал про себя поставленный на место безрассудно влюбленный парень, – если я не в состоянии преодолеть "стену", внезапно разделившую меня с моей любимой? И все потому, что у меня нет денег, не научился их делать!.. Наплевать на свое призвание, наняться в какую-то преуспевающую иносфирму, сделать карьеру и разбогатеть, чтобы стать равным Наташе и ее отцу-банкиру? Да на это уйдут годы. Она не будет столько ждать. Не посмеет слушаться отца, который прочил ей блестящую партию с одним из своих еще молодых, но успешных поймать Жар-птицу удачи, партнеров – сыном заместителя губернатора. Одно родство с таким избранником и счастливымчиком при новых реалиях определяло многое. В том числе и успех в бизнесе. К тому же этот его молодой зам., хотя и не блистал в вузе выдающимися знаниями, считался посредственностью в кругу своих однокашников, был, в общем-то, неплох собой и весьма коммуникабелен. Ну, прямая противоположность с Валеркой, которого банкир знал уже не первый год и вначале воспринимал лишь как очередную игрушку своей дочери. Даже в дом не хотел впускать. А когда увидел, какой он гордый и одержимый в своих чувствах, решил разом все пресечь. Вначале запретил им встречаться с дочерью, потом, когда настойчивый жених стал надоедать по телефону, распорядился насчет того, чтобы с ним никогда не соединяли этого нахала, а если заявится на порог, выгоняли. Вот Валерка, несолоно похлебавши, и вылетел за ворота неприветливого дома банкира. А после побоев, поразмыслив и помучавшись на досуге, уволился из городской школы и уехал в село, где надеялся забыть все, что с ним произошло накануне, успокоиться и, поостыв, решить, что делать дальше.

От потери любимой девушки, с которой планировал связать всю свою дальнейшую жизнь, он страдал безутешно. И чем больше они не виделись с момента расставания, тем больше любил ее, как самую желанную и недостижимую далекую звезду на черном небосклоне.

В сельской школе его приняли радушно, директриса обещала в будущем похлопотать перед властью о выделении отдельной квартиры, чтобы он смог пустить здесь свои корни и остаться надолго. Мужчин – учителей, тем более таких одаренных, на селе явно не хватало. И он для нее был большой удачей. Да и местные незамужние «учительки» поглядывали на него не только с профессиональным, но и явно другим интересом. Стройный, хоть и немного угловатый, красивый, талантливый. Просто, но со вкусом, одетый, с внутренним огоньком в душе и грустью в глазах, с бледным, то ли от городского воздуха, загазованного стадами автомашин, то ли от неудачной любви лицом. Почти как у Леша Карамазова или Макара Алексеевича из "Бедных людей" и белых ночей Ф.М.Достоевского... Короче говоря, интерес к новоиспеченному коллеге в женском педагогическом коллективе вспыхнул, как охапка сухого хвороста. Но Валерий Иванович не придавал этому никакого значения, и не чувствовал никакого тепла от любопытного и клонившегося в его сторону женского пламени. Лишь, словно механически, отвечал на расспросы, совершенно закономерные при появлении нового человека в селе и, тем более, сельской школе. К нему приглядывались, его оценивали. Как раба на невольничьем рынке, только на зубы не заглядывали... – промелькнула в его голове как-то неприятная мысль, но он быстро привык к этому. И даже бестактные вопросы воспринимал, как простое сельское любопытство, с которым необходимо смириться, словно с шумом сосен или с криками и гвалтом неугомонных грачей, облюбовавших близлежащие деревья и надоедавших по утрам и вечерам. Даже непривычная лесная тишина и свежий, настоящий на зеленой хвое, уже увлажненный мартовской оттепелью, воздух, совершенно невозможные в многолюдном городе, вместо комфорта и радости поначалу приносили ему чувство неуютности и какой-то внутренней настороженности. И все это, как ни странно, нисколько не утешало его печали. Напротив, – только добавляло страдания от сознания того, что его возлюбленная с этих пор становилась еще более недоступной для него. Но никто из его коллег, несмотря на переполнявшее их любопытство, ничего не знал об этом, и думал, что во всем виновата весна и, возможно, безответная любовь их молодого сотрудника.

Ну, а коль эта любовь была безответной, есть шансы на то, что таковой она и останется. А вот, если взять парня в оборот, то и забудется, растает, словно тонкий мартовский лед. Поэтому заждавшиеся на селе своих интеллигентных женихов наиболее смелые коллеги стали оказывать Валерию Ивановичу явные и частые знаки внимания, провожали его из учительской неравнодушными взглядами. Весна действовала и на них, наполняла истомой тела и души, не дождавшиеся утонченных мужских признаний и ласк. Ухаживания обычных сельских парней – механизаторов и даже специалистов сельского хозяйства – они воспринимали без особого восторга, и замуж за грубоватых и, как им казалось, бездуховных "матершинников" и пьяниц не выходили, а, если и выходили, то, как бы по инерции или из необходимости произвести на свет потомство. Но вовсе не из любви, вспыхнувшей от духовной близости и физического притяжения. Реформирование сельского хозяйства, которое они наблюдали на примере своего села, привело к тому, что экономика ранее зажиточной Бурьяновки рухнула. Скот на ферме вырезали, поля толком не обрабатывали. Зарплату мужикам подолгу не выплачивали. Да, к тому же, так "секвестировали", что на нормальную, не то, что привольную, жизнь денег не оставалось. Содержать семьи, особенно молодые, было не на что. Шлюхи в городе за день больше зарабатывали, чем они за месяц. Вот и пошел в ход самогон, запили от безнадеги мужики, обозлились, чувствуя, как их унизили и лишили достоинства, не оплачивая, как надо, нелегкий и такой почетный в прошлые годы труд. Убивало и то, что даже местные, выросшие в одном селе девчата, больше не желали смотреть в их сторону. Они мечтали о суперменах и бизнесменах из западных и отечественных телефильмов, вздыхали не о героях – "стахановцах", а о бандитах, разъезжающих на черных мерседесах. Школьные учительки механизаторов и даже зоотехника тоже не воспринимали всерьез. Считали грубыми, неровней с ними. А других не было. Вот и образовалась на селе трещина в личной жизни многих молодых людей. Кто проворнее да сметливее, долго здесь не задерживался, уезжал в город в поисках счастья. А остававшиеся, считали себя незаслуженно обиженными и обойденными жизнью, мрачнели и озлоблялись с каждым проведенным здесь годом все больше. А света в конце "туннеля" так и не видели. О том же нередко говорили и в семьях сельчан. Поэтому даже молодые девчонки, наученные опытом своих вечно стонущих и недовольных жизнью родителей, уже понимали, что к чему и, естественно, мечтали совсем о другой жизни и иных избранниках.

Лиза, насмотревшаяся латиноамериканских сериалов и начитавшаяся романов Габриэля Гарсия Маркеса и Жоржи Амаду, рано открыла для себя новый мир. Он был полон экзотики, красоты, социальных волнений, личных драм и трагедий, возвышающих человека чувств, мыслей, чаяний, идеалов, как она написала в школьном сочинении на свободную тему. А, кроме того, все это открыло ей глаза на ее собственную жизнь и жизнь ее родителей. Ей не хотелось повторить участи матери, всю жизнь гнувшей спину дояркой на ферме и ничего, по большому счету, не имевшей от этого, кроме женских болезней и унижительной бедности. Отец, как ни пахал в прямом и переносном смысле, по его словам, не мог обеспечить достойной жизни семьи. Да к тому же как-то по весне провалился под лед на своем тракторе, подвозя дрова из-за реки Самары. Машину и оставшегося в ней, промокшего до нитки тракториста долго не могли вытащить из ледяной воды. В итоге бывший ударник коммунистического труда Алексей Мордвинов схватил воспаление легких и умер. А когда мать пошла за материальной помощью в контору колхоза, ей дали какие-то копейки из оставшейся неполученной и не пропитой зарплаты мужа. Касса была пуста. Колхоз оказался на грани банкротства. Вскоре его движимое и недвижимое имущество начали описывать, назначили внешнего управляющего. Но тут помог район, подослал из города к председателю Могильному инвесторов – представителей одной самарской фирмы, которые хотели вложить порядка тридцати миллионов рублей в производство экологически чистой продукции и со временем поставить сыроваренный заводик, начать выпуск голландского или швейцарского сыра. Да и компания-партнер "Нестле", обживавшаяся в соседнем городке, охотно покупала молочные сливки. В сотрудничестве со

сторонними предпринимателями появлялись не только перспективы, но и спасение для бурьяновского хозяйства. Инвесторы соглашались на погашение его долгов и техническое перевооружение, при условии, что старый колхоз ликвидируют, и на его месте будет создано ОАО или СПК, контрольный пакет акций которого городские фирмачи выкупят и, подкрепляя их, начнут вкладывать свои капиталы в бурьяновские земли и машинно-тракторный парк. Могильный на такое предложение готов был пойти, но тоже выдвинул свои условия: бурьяновские пахотные земли фирма возьмет в аренду и, сразу же, заплатит за нее, чтобы он, в свою очередь, смог заплатить сельчанам за аренду их паев. Ведь вся колхозная земля к тому времени в соответствии с новым законом "О земле", принятом Госдумой РФ, была поделена между крестьянами. Такая мера могла вселить в них, хоть какую-то надежду на лучшую жизнь, помочь уйти от безнадёги, перераставшей в последние годы чуть ли не в массовый психоз, поразивший основную часть болевших душой за землю и мучавшихся крестьян. Но была здесь для Могильного одна заковыка, которую он хотел ловко обойти и решить важнейший для себя вопрос – остаться у руля нового хозяйства после смены формы его собственности. Дело это было непростое. Убедить инвесторов в своей полезности после того, как экономика бурьяновского колхоза рухнула, означало не что иное, как перепрыгнуть через собственную голову. Без особой надежды он предлагал свою кандидатуру на пост председателя или управляющего СПК, как дополнительное условие к соглашению с городскими инвесторами. Они на это дали предварительное согласие, но, в свою очередь, потребовали, чтобы в будущем он все свои действия согласовывал с ними. Это Могильного устраивало. Главным для него было сохранить свое командное положение в хозяйстве и получить контроль над инвестициями, а то и право прямого распоряжения ими. Но пока все это было только на стадии переговоров и утрясок. А касса бурьяновского хозяйства походила на ту, в которой оставались одни мыши. Потому председатель с матерью Лизы, когда она обратилась к нему за помощью, сильно не церемонился, и без обиняков сказал: "Горилки надоть было помене твоему казаку выпиваты, щоб от лиха убежаты. Мы туточки ни при чем. Сам пострадал та ще трактор утопив. Кто теперь за ще уси ответ держаты будэ? А ты ще про гроши скулишь, хаешь мени, лаешься, губы раздула. Бери, що дали, пока ще не отняли, и иды с Богим".

Мать пришла домой, как убитая, больше всего страдая от обиды и унижения за мужа, много лет честно проработавшего трактористом в одном хозяйстве... Не разувааясь и не раздеваясь, прошла в спальню. А там, словно подрубленная, рухнула на кровать, забила в горьких рыданиях. С тех пор и стала ее мучить гипертония, дополненная каким-то психозом. Мужа она пережила ненадолго. Умерла от инсульта прямо в коровнике во время дойки после того, как поругалась со скотником, не вычистившим загон и не задавшим сена коровам. Лиза в то время училась в девятом классе, младший брат – Митя – в пятом. Поначалу их хотели определить в максимовский приют или в детский дом. Ограничились установлением опеки, потому, что Лиза наотрез отказалась от того, чтобы ее и брата куда-то определяли. Она смело заявила председателю и директрисе школы, что уже не маленькая. Пенсии, назначенной за родителей, ей хватит, чтобы не умереть с голоду и продержаться до тех пор, пока сама не отучится и пойдет работать в колхоз. Впрочем, на каникулах она уже трудилась на ферме, подменяя заболевшую соседку – бывшую напарницу матери. Заработала себе денег на пару платишек, да брату – на джинсы и ботинки. Все свободное время проводила на огороде. Митю полоть траву и рыхлить рядки картофеля не заставляла. Думала, мал еще, пусть, хоть он побегает с друзьями на улице или рыбу поудит на Самарке. А то, какие у него останутся воспоминания от детства? Но, когда узнала, что из-за баловства на реке, тот чуть не утонул, перевернув вместе со своим дружкой Володькой постепенно раскачанную ими лодку, запретила ему ходить на реку. Придумывала всякие задания по дому, чтобы отвлечь от мальчишеской вольницы и держать его подле себя. Митька от этого страшно мучился, любое покушение на свою свободу воспринимал в штыки и становился таким несносным, что у Лизы едва хватало терпения, чтобы не поколотить его в

моменты семейных баталий. Так что хлебнуть с ним, если не горяшка, то беспокойств и хлопот, Лизе пришлось с лихвой. Мать, когда та была жива, он побаивался и слушался. А вот Лизу – ничуть. И лишь только, когда после очередной сестринской выволочки увидел, как она горько и безутешно плакала тайком, уйдя с огорода в дом, почувствовал в горле ком, и осторожно приблизившись к ней на босых ногах, нежно погладил сестру по темным волосам. А потом, как ягненок, занекал: "Не, Лиз, не плачь, не, я больше не буду баловаться..." Слезы накатились ему на щеки, а голос был таким жалобным, что сердце девушки дрогнуло. Она заключила брата в жаркое объятие и приласкала: "Да я не плачу, это я так, занозу в палец загнала, болит»! ... А потом они пили чай и смотрели телевизор, и снова чуть не поссорились. Лизе хотелось досмотреть очередную серию из латиноамериканского сериала про любовь. А Митя настаивал на том, чтобы включили российский канал, по которому транслировали матч "Крыльев Советов" с "Аланией". Ссора не состоялась только из-за того, что на огонек к ним заглянула соседка тетя Люба, снова прихворавшая и попросившая Лизу выйти вместо нее на ферму. "Ты чего это воюешь со старшей сестрой? – пристыдила она Митя, – она же тебе сейчас за мать и отца. Вот выйдет замуж, или уедет учиться после окончания школы, что будешь делать?"

– Ничего! – насупился Митя. – Сам буду жить.

– Эх, ты какой лихой, с-а-м ж- и-ть, – закачав головой, почти нараспев протянула слова тетя Люба. И щип сам пригостишь, и штаны сам постираешь?

– А че, если надо будет, и постираю. – самоуверенно и недовольно пробурчал из под носа Митя, кося глазом в сторону незваной соседки.

– Ох, Митянь, Митянь, смотри, чтоб потом локти кусать не пришлось, береги сестру, она теперь твоя опора.

Митя и без соседки понимал это. Поэтому слова взрослой женщины его только раздражали, задевая за больное. Словно та лишний раз хотела напомнить о смерти родителей, насыпать соль на рану... За всяческие напоминания и нравоучения он и не любил тетю Любу. А еще за то, что та его как-то отхлестала крапивой, когда он вместе с друзьями забрался к ней на рядки клубники. Она подстерегла их за кустом в конце огорода. Когда они, наладившись ягодами, озираясь, приблизились к тыну, внезапно выскочила из-за лозняка. И тут же принялась отхлестывать пацанов, приговаривая: "Вот вам за воровство, вот вам, разбойники"! И так далее, и в том же духе. Правда, сильно не злилась и отхлестывала легко, памятуя о том, что в детстве вместе с подружками и сельскими мальчишками занималась тем же, чем и эта детвора. Но Митяй тогда разозлился и решил, во что бы-то ни стало, отомстить злой, как он думал, соседке.

– Надо шарика на ее кур натравить, чтоб больше не дралась! – омывая в реке малиново-багровые полосы-следы на плечах и спине, предложил он своим корешкам-мальчишкам.

– Не, надо ей бешеную лису подпустить! Так лучше будет. – Сделал вывод Сашок Иванов, живший через улицу напротив. – Вон в Самаре одну тетку такая зараза укусила, она сама с ума сошла, а потом сдохла.

– Что ты за чушь несешь! – удивился такой крайности друга Митя. – Где мы бешеную лису возьмем? И потом, что мы, убийцы что ли? Лучше – ведро воды над дверью повесить и веревку к ручке привязать. Будет выходить из дому, толкнет дверь, а ведро с водой ей на голову! Вот посмеемся!

– А ее мужик нас не побьет? – засомневался в разумности такого сговора Федька Сучков.

– Да откуда он узнает, что это мы ей "бомбочку" подстроили? – удивился Митя.

Так они и сделали. Когда родители заснули, потихоньку вышли из своих домов, собрались у Мордвиновых во дворе. Взяли, что нужно, для своей вылазки, и, крадучись, отправились к соседнему дому. Поставили на полке крылечка ведро с грязной водой из лужи, привязали к его дужке один конец веревки, а другой – к дверной ручке, а сами залезли на сеновал к Сучковым и решили всю ночь караулить обидчицу, которая поднималась ни свет, ни заря, чтобы

подоить свою корову, а затем отправиться на ферму. Следили за ее домом в щели между досками. Но не выдержали до рассвета, постепенно уснули, прикорнув на духмяном и действующем, как снотворное, еще теплом июньском сене. Разбудил всех грохот металлического ведра, полетевшего с полка обидчицы-соседки, и ее крик в потемках, перемешанный с матом. Пацаны сразу сообразили, в чем дело, и, прильнув к щелям, хохотали, хватаясь за животы, наблюдая за разыгрывавшейся во дворе напротив сценой. Следом за женой на ее крик выскочил, в чем был, дядя Сергей с топором в руке. Он то-ли спросонья, то-ли спьяну, подумал, что во двор забрались грабители или насильники, выбежал, чтоб защитить жену и разобраться с ворами. На шум сбежались и соседи. А когда поняли, что к чему, все вначале дружно рассмеялись, глядя на замоченную и взъерошенную Любаву и ее полуголого мужика, а потом переругались, обижаясь на взаимные обвинения в такой злой шутке, сотворенной с Любой. И только дед Антон, быстро смекнувший чьих рук это дело, сразу выпалил им: да что вы лаетесь, дурачье, это же наверняка пацаны "бомбу" подстроили, ну кто еще на такую пакость, окромя них, стервецов, способен! Мне вон скамейку под яблоней дерьмом вымазали, присесть теперь негде. А все почему? Отматерил наемдни Федьку за то, что через забор ко мне в полисад лазил. Цветы потоптал. Воздушный змей у него туда залетел. Ты, Любава, видать, тоже кому-то из сорванцов насолила?

– Да я их, разбойников, крапивой вчера отстегала, чтоб клубнику не воровали! Вот выродки! – не сдержалась и выругалась Люба.

И этого было достаточно, чтобы скандал между соседями разгорелся с новой силой.

– Это почему же они выродки? – возмутилась Екатерина Сучкова. – Ты по своему – обо всех не суди. Мой Федька да и Митяй нормальные пацаны, нечего тень на плетень наводить. В колонию, как твой Лешка, не метят.

Любу это задело за самое живое. Стерпеть таких обидных, хотя и справедливых, слов она не могла. Обозвала соседку старой кошелкой (та была почти вдвое старше по возрасту, Федька-сынок был у нее, как говорили на селе, не запланированным), которая годится только для навоза. А еще что-то мнит о себе, считает себя самой умной. А сама дура – дурой, мужик ей рога наставляет.

– Врешь, стерва! Не наставляет. Брехня это. А если бы и наставлял, тебе то, что с того, завидуешь что ль кому? Своего мужика не хватает?

Скандал чуть не перерос в потасовку. Мужики тоже стали припоминать, и высказывать друг другу взаимные обиды. О том, как один другому забор помял, неловко разворачивая тракторный прицеп с зерном. Другой, хватив лишнего, перепутал свои двери с соседскими и сломал замок. Третий закрыл в сараюшке и прирезал чужую курицу, четвертый своровал доски. В общем, веселое получилось у всех утро. А когда разбрелись по домам и не нашли там своих мальчишек, вдоволь натешившихся над старшими на чердаке у Сучковых, то принялись их разыскивать. А закончилось все поркой Сашка и Федьки. Митяя пороть было некому.

7.

Сироту Лизу никто из соседей не ругал за проделки ее младшего брата. Девушку жалели. И лишь иногда советовали: "Ты будь с Митькой поостороже, он же пацан. "А пацаны они, знаешь, – говорил дед Антон, – как афганцы, разрази их гром. Прижмешь – пищат, отпустишь – наглеют, и все норовят тебя за ухо ущипнуть. Или, хуже того, по лбу ударить. Тут уж не моргай, бей по заднице, не то на шею сядут!" От таких советов Лизе было не по себе. Митя, конечно, отбивался от рук. Она это чувствовала. Но ведь его друзья – соседские мальчишки – тоже не сахар – баловались так же, а то и покруче. Хворостины или палки, которые советовал чаще брать в руки дед Антон, при разговоре с нашкодившими пацанами, она, как инструменты воспитания, не воспринимала, считала средневековой дикостью. Да и как можно было поднимать руку на родного и рано потерявшего родителей, а вместе с ними и их ласку, брата-сироту? Тут нужен был другой метод. Чтобы найти его, она в свободное время стала заходить в сель-

скую библиотеку, советоваться с учителями. Но больше всего доверяла не прямым советам, а чужому опыту, описанному в книгах. Перечитала педагогическую поэму Макаренко, книгу "Республика ШКИД", записки и письма Сухомлинского к сыну, книжки современных авторов с советами родителям и по детской педагогике. Кое-что они ей помогли понять и взять, как говорили учителя, на вооружение. Но сухая теория и даже живые и поучительные примеры из жизни других людей были ничто, как ей казалось, в сравнении с ее искренней сестринской любовью к брату. Как и в нем пробудить такое же чувство? – нередко спрашивала себя Лиза. – Ведь наверняка, если он меня сильно полюбит, то никогда не посмеет обидеть своим недуманным поступком. Уверенности в этом придавал и еще небольшой, но, все же, реальный опыт воспитания младшего брата. В ней был какой-то прирожденный педагогический талант, опиравшийся на ее природное чутье и любовь к ближнему. За задумчивым и нежным взглядом глаз, подернутых поволокой какой-то невидимой, но вполне ощутимой и неподдельной печали по безвременно ушедшим родителям, таились сильные и горячие огни девичьего чувства. Поначалу она с лихвой выплескивала его на младшего брата. Часто перед сном обнимала Митю, гладила легкими и теплыми ладонями по уткнувшейся ей в грудь головке, от которой исходил какой-то неповторимый медовый запах. Прикасалась своей щекой к его щеке, чувствуя ее тепло, и шептала брату самые нежные и ласковые слова, которые приходили ей на ум: "Ты мой светленочек, ты мой козленочек, ты мое солнышко, мой огонек..." и целовала его в макушку нежными, как у мамы, губами. Нередко Митя так и засыпал у нее на груди, обласканный и осыпанный поцелуями, укачиваемый на коленях, как маленький. Она укладывала его на постель, уходила в другую комнату, где включала торшер, забиралась с ногами в мягкое кресло и начинала читать понравившийся и отложенный до свободного часа любовный роман. В этом возрасте ее увлекали книги Ги Де Мопассана, Виктора Гюго, Оноре Де Бальзака и других французских писателей позапрошлого и прошлого веков. Но особенно нравились, лишенные напускного ханжества, рассказывающие о не придуманных, как ей казалось, историях повести и романы Жоржи Амаду о Донне Флор и двух ее мужьях, "Пастыри ночи" и другие, полные натуральной жизни и самых откровенных любовных сцен. Некоторые из них она перечитывала по несколько раз, испытывая в душе и теле еще до конца не осознанное, но уже реально заполнявшее ее наслаждение. Особенно ей нравилась сцена первой брачной ночи донья Флор с ее вторым мужем – доктором Теодоро. "... Теодоро не стал шептать нежных, безумных слов, но попытался стянуть с нее простыню. Он положил свою голову с иссиня-черными волосами к ней на грудь и ласково поцеловал ее в щеку, а затем в губы тем самым поцелуем, какого она ждала. Пораженная донья Флор замерла и почувствовала, как рука мужа скользнула к краю батистовой рубашки. Все произошло быстро и очень целомудренно. Совсем не так, как представляла себе это донья Флор..." – эти слова из книги часто приходили на ум Лизе, погружая ее в мечтательные раздумья. Какого же поцелуя ждала донья Флор? – спрашивала себя девушка и чувствовала, что от такого бесстыдного вопроса самой себе у нее приливает кровь к щекам. Особенно часто такое происходило по весне. А еще чаще стало случаться после того, как на одном из уроков математики их классу был представлен молодой учитель, замеченный ушедшую в декретный отпуск беременную Марию Федоровну. Он понравился Лизе с первого взгляда. Скромно, но модно одетый, красивый, с вольной и развитой речью, полный удивительных знаний, умница, каких еще не было в их селе! К тому же, похоже, спортсмен – ловкий и быстрый в движениях, но не длиннохвостый сипак, как отметила для себя Лиза. С таким не умрешь со скуки, будешь открывать, и открывать для себя новые звезды и плыть по океану жизни, словно в сказочном корабле. Какие у него утонченные, подбитые черным пушком, свежие губы! Какие глаза, похожие на синюю пропасть! Сорвешься в нее и не спасешься!

Поначалу она стыдилась своих мыслей о Валерии Ивановиче. Называла себя в душе форменной душой. Но постепенно поняла, что первое впечатление и ассоциация от увиденного не только навсегда остаются в памяти, но и, как оказывается, самые точные. Им можно верить

не только рассудку, но и сердцу. Ведь это дары, оставленные нам природой и нашими предками в результате многовекового естественного отбора важнейших для нас качеств и ценностей. Зря девичье сердце не екает!.. А у Лизы оно екнуло и после этого заныло какой-то слабой, но постепенно усиливавшейся сладкой болью. Девушка приходила на урок математики, как во сне, ничего, кроме учителя, не замечая более. А когда он поставил ей за такую задумчивость и неспособность хоть что-то вразумительное ответить на заданный вопрос "двойку", она вспыхнула, как пламя, и без спросу выпорхнула из класса, словно птица, которую застали врасплох. Ей вдруг стало страшно стыдно за свое незнание и убожество перед этим молодым преподавателем и одноклассниками. Она сгорала от стыда и неловкости, собираясь на следующий урок математики, хотя и хорошо подготовилась к нему, выучила домашнее задание на "отлично". Когда Валерий Иванович снова появился на пороге класса, лицо ее, как у неврастенички, покрылось розовыми и даже малиновыми пятнами, выдававшими настоящую бурю в душе девушки. А Валерий Иванович ничего и не заметил. Он был погружен в собственные раздумья, и не обратил на Лизу никакого внимания. Ее такое безразличие обидчика даже укололо. И, чтобы привлечь к себе внимание, она первой попросилась к доске.

– Ну с, сударыня, – манерно и старомодно обратился он к Лизе, еще не запомнив ее фамилию по списку и точке в синем в клеточку журнале. – Чем Вы нас порадуете? Как правильно решить задачу?

Лиза взяла в руки мел, и стала, молча решать задачку по алгебре. Спиной она чувствовала взгляд молодого учителя и насмешливые взоры одноклассников. Переступая у доски с ноги на ногу, непроизвольно поиграла ягодицами, на которые, конечно же, обратил внимание молодой учитель. Но он сделал вид, что не заметил ничего и суховатым голосом приказал:

– Вы не молчите, объясняйте, что делаете, чтобы всем было понятно!

И Лиза стала объяснять. Сначала несмело и скованно, затем все вольнее и увереннее.

– Молодец! – подытожил ее пояснение и правильный ответ преподаватель. – Так держать! Глядишь, и отличницей станешь.

Кстати, "двойку" в журнал за прошлую заминку с ответом Валерий Иванович Лизе не поставил. Она осталась лишь в дневнике, который у нее никто не проверял. Валерий Иванович еще не знал, что проверять Лизин дневник совершенно некому.

Первую рабочую неделю он ездил в школу из областного центра – города-миллионника – и обратно. Но, когда понял, что это отнимает массу полезного времени, да к тому же весьма накладно при его небольшой учительской зарплате, то стал подыскивать себе комнату в селе. Директор школы, зная о том, что Лиза с братом живут одни в собственном доме, причем неподалеку от школы, посоветовала снять квартиру у Мордвиновых. Об отдельной квартире для молодого учителя, никак не проявившего себя, говорить с волостным главой она пока не решилась. Да он бы ее и не понял в такой ситуации. Пусть новичок, хоть с годик поработает в школе, проявит себя, а там можно будет и похлопотать! Да и присмотреться к нему лучше не помешает.

– Как-то неудобно снимать учителю у ученицы. – Попытался вслух поразмышлять замаявшийся по поводу предложения Марии Ивановны Валерий Иванович.

Но директор, зная, как непросто снять комнату в этом селе, поспешила настоять на своем: "Да что за предрассудки? Люди у нас понимающие, лишнего не скажут. К тому же Мордвиновым лишняя копейка за постой не помешает. Да и Вы за ними, как взрослый человек и педагог, присмотрите. Что же в этом плохого?"

– Я даже не знаю, как тут и быть. – Пожал плечами Валерий Иванович. – Захотят ли они сами со мной, учителем, жить? Не хотелось бы ни в чем их притеснять, пользоваться своим положением.

– Да захотят, захотят. – Успокоила директор. – Я могу сама с Лизой поговорить, если Вы не возражаете.

– Нет, я в принципе согласен. Лишь бы детей не стеснить.

– Ну, вот и ладненько. Людочка!– позвала она через приоткрытую дверь свою секретаршу. – Пригласите ко мне после уроков Лизу Мордвинову.

– Хорошо. – Ответила из-за двери Людочка. – как только прозвенит последний звонок, так и позову.

8.

Лиза предложению Марии Ивановны обрадовалась и одновременно испугалась. Надо было принимать квартиранта, да еще такого, как Валерий Иванович, а у нее в доме кавардак. Поэтому, дав согласие на подселение учителя, девушка попросила повременить с этим до завтра. Чтобы немного прибраться и подготовить для постояльца самую лучшую комнату.

– Да ты, Елизавета, сильно хвост перед ним не распускай. – Строго предупредила пышущую здоровьем и красотой старшеклассницу директор школы. – Будь с ним поостроже, и посуше, чтобы не забывал, что он у тебя в гостях. Помни, он мужчина, тем более, молодой. – Продолжила она многозначительно. Если что не так, заходи ко мне, посоветуемся.– И вот, – протянула Мария Ивановна Лизе несколько сотенных бумажек, – это аванс за съем квартиры.

– Да что Вы, я не возьму со своего учителя.

– А это не с него. Школа за квартиру платит. Так что нечего стесняться, бери. Вам с братом деньги нужны. Купишь продуктов. И впредь ежемесячно будешь заходить ко мне за «квартирными». Не так много, но все – таки, какая, ни какая, а помощь вам будет.

– Да что мы, нищие что ли! – вспыхнула Елизавета.

– Ну, что за глупости! Как тебе такое в голову могло прийти? Я же от чистого сердца хочу помочь. Не перечь, пожалуйста, а то рассержусь. – Сделала строгое лицо Мария Ивановна. – И не дожидаясь, пока Лиза согласится, вложила деньги ей в ладонь правой руки.

По случаю такой "получки" и приема Валерия Ивановича Лиза решила устроить небольшое пиршество. Купила в магазине конфет и пирожных для вечернего торжественного чаепития. Покормила пришедшего из школы Митю вчерашними щами, и на десерт к обеденному чаю дала ему одно пирожное. Он быстро все умял и попросил еще сладкого.

– Хорошего понемногу. – Попыталась успокоить его Лиза.

– Еще хочу, ну что, тебе жалко, что ли?

– Не жалко, но у нас сегодня гость будет. Надо же чем-то его угостить.

– Ага, тебе гость дороже, чем я! – стал хитрить и ныть Митя.

– Ну, что ты такое говоришь? Как у тебя язык поворачивается? Бери уж, только не лопни, сладкоежка! – достала она из холодильника еще одно заварное пирожное.

Валерий Иванович после урока сходил в колхозную столовую пообедать. А потом до вечера засиделся в школьной библиотеке: ознакомился с ее литературным фондом, поиграл в шахматы со старшеклассниками, предложившими ему поучаствовать в импровизированном блиц-турнире. И, похоже, заработал у ребят первые "очки" своими оригинальными и неожиданными, точно просчитанными наперед ходами, сплошными выигрышами.

– Математик! Разве у такого выиграешь! – сказал кто-то из ребят, когда они шли из школы и обменивались впечатлениями.

Уже смеркалось, когда Валерий Иванович появился на пороге мордвиновского дома. Лиза приветливо встретила своего учителя-постояльца. По случаю его вселения она оделась в свое лучшее праздничное платье, подаренное мамой на день рождения, и переминалась с ноги на ногу, не зная с чего начать разговор с учителем-постояльцем, в которого она влюбилась по уши.

Валерий Иванович сам разрядил неловкое молчание, поздоровался с Лизой и Митей и, как положено, пожелав мира их дому, попросил разрешения войти.

– Ну, конечно же, – спохватилась по праву хозяйки Лиза, – что же это я? Входите, пожалуйста, Валерий Иванович, почувствуйте себя как дома. Мы с Митей рады, что Вы решили поселиться у нас.

С чего это она взяла, что я рад? – подумал настороженный Митя и с недоумением на лице покосился на сестру.

– Вы не подумайте, что я специально к вам напросился. – Как-то неловко пояснил свое появление на пороге мордвиновского дома молодой учитель. – Честно говоря, мне даже неудобно пользоваться гостеприимством своих учеников. Будем считать, что к учебе и школе это не имеет никакого отношения. Я для вас обычный квартирант. Деньги обязуюсь платить аккуратно, можете не сомневаться.

– Нет-нет, не беспокойтесь, за вас нам школа будет платить! – Поторопилась сообщить ему Лиза. – Проходите в дом. Я уже приготовила для Вас комнату...

Попав в типичный для нашего времени крестьянский дом, обставленный ширпотребовской мебелью в стиле восьмидесятых годов прошлого века, Валерий Иванович почувствовал какой-то давнишний, так близко знакомый ему, родной уют. А вот принять жертву – лучшую комнату – от молодой девушки, его ученицы, отказался.

– Да мне бы что-то попроще, небольшой уголок для сна и подготовки к урокам.

– Может, в мою комнату вселитесь? – радушно спросил Митя. – Там письменный стол и настольная лампа, радиоприемник.

– А ты где будешь спать и уроки готовить?

– Я в горнице расположусь, тут телевизор, мне даже лучше. – Схитрил Митя, которому Лиза не разрешала подолгу засиживаться у телеэкрана.

– Нет. Давайте я у вас в правой угловой комнате размещусь, – оглядев дом, предложил Валерий Иванович. – Там кровать и стол, полка для книг есть. Лампу найдем. А больше мне ничего и не надо.

– Ну, как же так? Вы же у нас гость, я старалась, чтобы Вам уютнее у нас было. Вот зал для Вас приготовила. А Вы в угловую хотите. Да там же тесно и мебели почти никакой.

– Ты не беспокойся, я все-таки лучше в угловой комнате расположусь. – Успокоил девушку молодой учитель. Он заметил по ходу дела, что та как-то не по буднему одета, и накрутила на голове прическу, как у взрослых. Наверно, собралась на посиделки или на молодежную дискотеку в клуб.

Но Елизавета никуда не собиралась и предложила по случаю новоселья Валерия Ивановича попить чаю. Выставила свое угощение на покрытый белоснежной скатертью стол в горнице. Рядом с фарфоровыми чашками из чайного сервиза, которым при живых родителях пользовались редко, разве что по праздникам, стояли вазочки с земляничным, смородиновым и малиновым вареньем (мать Лизы наварила его на пять лет вперед). Посередине стола – большая ваза с пирожными, купленными девушкой. В хрустальной, в виде ладьи, конфетнице – шоколадные конфеты "Мишка на севере" и "Каракумы", карамель – "Птичье молоко", которую учитель любил с детства. Но больше всего в сиротском доме его приятно поразили приборы для чаепития и салфетки рядом с ними, как будто эта сельская девушка всю жизнь только тем и занималась, что изучала правила хорошего тона и, привычный ему городской этикет. В комнате не было ни пылинки, ни соринки. От чистоты и порядка, по которым он скучал в студенческом общежитии и позже в снимаемой им городской комнате, молодой человек всегда чувствовал особый уют и удовлетворение.

– А я вот колбасы на ужин прихватил в магазине. – Протянул он батончик докторской Лизе. – Нарезь, пожалуйста. – А это тебе. – Вытащил из желтой дорожной сумки шоколадку для Мити Валерий Иванович. – Ну, давай попьем чайку да познакомимся поближе.

– Давайте! – важно согласился с квартирантом-учителем Митя.

А Лиза пошла на кухню, чтобы нарезать колбасы, и торжествовала оттого, что все так ладно получилось. Теперь она сможет часами наблюдать и ухаживать за понравившимся ей молодым учителем. Жить с ним под одной крышей, дышать одним и тем же воздухом. Радость наполнила все ее существо и румянцем вылилась на щеки. Типично русская, статная поволжская красавица – вся в мать, как говорили соседки, – она теперь была особенно хороша, так как светилась вся еще до конца не осознанной, но такой уже ощущаемой внутренней радостью.

Валерий Иванович заметил это ее необыкновенное свечение и возбуждение. С чего бы вдруг? – Подумал он, немного насторожившись. – Неужели мое появление здесь так обрадовало ее? Может, рассчитывает на пятерку по математике за год, она ведь, как говорили другие преподаватели, претендовала на серебряную медаль по окончании школы. Но, ни о какой корысти, как он вскоре понял, не могло быть и речи. Девушка действительно, искренне радовалась тому, что он поселился у нее в доме. Значит... Да ладно, не поверив первой догадке, отмахнулся от несложного вывода молодой учитель. И, между прочим, заметил, что присутствие рядышком с ним этой стройной и такой милой школьницы и ее младшего брата вдруг избавили его, пусть и пока лишь на какие-то минуты, от любовной тоски и мучительных переживаний. Маленькая искорка из Елизаветиных глаз попала ему в душу и немного согрела ее. Почти час они сидели за чаем и разговаривали то об одном, то о другом. Валерий Иванович интересовался тем, какие из школьных предметов больше всего нравятся девушке и ее брату, вспоминал свои школьные годы. При этом он не проявлял ханжества и, словно забыв о том, что он учитель математики, хохотал над смешными историями из своей жизни, и как-то незаметно и быстро расположил к себе своей открытостью и кажущейся простотой не только Лизу, но и ее брата. Когда они нахохотались над особенно смешной историей про то, как Валерий Иванович, будучи мальчишкой, ловил в холодной уже реке раков и, как один из них ухватил своей клешней его за пописун под водой, отчего он чуть не потерял сознание и не захлебнулся. А когда смекнул, что к чему, то, голый, выскочил из омута и во всю прыть помчался к родному дому по заполненной людьми городской улице, им стало легче. Напряжение и скованность от первого знакомства в стенах мордвинского дома растаяли, как лед. У всех стало теплее на душе. И казалось, что их приятный разговор затянется еще надолго. Однако Валерий Иванович вдруг посмотрел на часы и, словно спохватился:

– Делу время, потехе час. Пора и за учебники. Нужно к завтрашним урокам подготовиться.

– А Вы что, тоже готовитесь? – не поверил ему Митя.

– А как же. Знания знаниями. Но повторение, как говорится, повторение, оно – мать учения. Помнишь Суворова?

– Это, какого? Того, что турков бил что ли?

– Его самого, Александра Васильевича. – Подтвердил учитель. – Впрочем, еще и задолго до него Архимед говорил, примерно, то же самое. Так что не будем пренебрегать советами древних. Давайте уберем посуду со стола и займемся уроками.

– У, – недовольно скривил рожицу Митя, – я хотел телевизор посмотреть, там сейчас футбол начнут показывать. Уроки я еще раньше выучил.

– Ну, если выучил, то хозяин барин. – Не стал возражать против желания мальчика, высказав ему свое доверие, Валерий Иванович. – А я все-таки пойду, прочитаю конспекты с лекциями и учебник.

Он встал из-за стола, поблагодарил хозяйку за угощение, и ушел в отведенную ему комнату. Но полистав минут с пять конспекты и книгу, отодвинул их в сторону. Оставшись один, он снова со всей остротой почувствовал тоску по своей возлюбленной и нахлынувшее на него одиночество. Казалось, с этой душевной мукой не будет сладу. Что там в городе? Где и с кем в этот час его подруга? Думает ли она о нем или уже забыла его, подчинившись воле отца? Да нет, в такое трудно было поверить после всего, что у них было. После ее горящих и жажду-

щих глаз, горячих объятий и поцелуев, восторгов близости, наконец. Такое не забывается. И одним отцовским приказом не вырывается из души, словно куст цветущей черемухи из теплой почвы. Возможно, все еще поправится. Хотя в принципе, надежды на счастье с любимой почти ни какой.

9.

Митя устроился в мягком кресле рядом с торшером напротив телевизора и смотрел футбол, явно довольный тем, что чаепитие не затянулось допоздна, и никто ему теперь не мешает своими разговорами. Лиза, быстро и ловко прибралась, и прошла в родительскую комнату, где она теперь жила. Здесь все напоминало об отце и маме – их портреты на стене, одежда в полированном платяном шкафу, запахи духов на трюмо и на подушках. Как будто еще вчера только родители встали с них, и ушли в свое далеко, из которого не было возврата. А может, они видят меня с небес, взглянув на икону в углу, и перекрестившись, подумала девушка. Говорила же мне мамочка, что она всегда будет рядом со мной. Как бы мне сейчас хотелось увидеться с ней и поболтать о своем, поделиться своей радостью! Как бы она ко всему этому отнеслась? Наверное, отругала бы меня за мое легкомыслие и раннюю влюбленность в молодого учителя? Отговорила от сближения с ним.

Лиза подошла поближе к иконе, встала перед ней на колени и помолилась за упокой души своих родителей. Потом попросила у Бога помощи и поддержки в ее вдруг вспыхнувшем чувстве к Валерию Ивановичу. Шептала молитвы про себя, чтобы учитель, не дай Бог, не услышал их и не подумал чего плохого. "Отче наш, сущий на небесах! – шептала Лиза. – Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе: Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; И прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого". Потом она взяла со столика под иконами Библию и стала читать эту толстую Святую Книгу, вновь и вновь удивляясь мудрости ее создателей. "Бог есть любовь! – что бы это значило"? – в который раз задавалась она вопросом, и искала в Библии ответ. Листала страницы, вчитывалась в статьи "Бытия". "И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей: она будет называться женою, ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут двое одна плоть..."

– Как это – одна плоть? – тихо спросила сама себя Лиза. – Разве можно двум разным людям, тем более мужчине и женщине, стать одной плотью? И какой-то внутренний голос, словно змей в Раю, подсказывал: наверное, можно, раз пишут. Умные люди, тем более создатели Библии, не стали бы зря писать такое. Она скользнула взглядом по пожелтевшей от времени странице Святой Книги и прочла еще одну строфу: "И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому, что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у обоих, и узнали они, что наги." ... Наги – повторилось в сознании Лизы. – Наги ... В этих словах есть какая-то магия. Вот бы на все такое посмотреть своими глазами. – Подумала она и снова перекрестилась своим грешным мыслям и желанию. – Точно, есть магия, как и лукавый на свете, не зря Бог проклял его пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми, положил ему ходить на чреве его, и есть прах во все дни жизни его. А вот по поводу того, что Господь решил положить вражду между Адамом и женою его, и "между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку" она, во-первых, не все поняла, а с тем, что поняла, не хотела соглашаться. "Ну, как же так? – задавалась Лиза вопросом. – Полюбят два человека друг друга, поженятся, а дети их будут поражать родителя в голову, а он своих чад в пятку? Как же тогда понимать сказку про одну плоть? Она еще несколько минут поразмышляла над этим, но так и не найдя ответов, стала листать Библию дальше. А когда дошла до "Песни песней" Соломона, то словно упилась ею, как сладким вином.

– Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина.

От благовония мастей твоих имя твое – как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя. – С явным удовольствием и завистью читала девушка.

– Влеки меня, мы побежим за тобою; – царь ввел меня в чертоги свои, будет восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя! – Эти слова ласкали слух влюбленной девушке. Она с жадностью негромко вслух читала дальше. У нее на сей раз не только терпения хватило для чтения целых глав из Библии, но, к ее удивлению, появилось непреодолимое желание – читать ее дальше и дальше.

– Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Саломоновы.

Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня: сыновья матери моей разгневались на меня, поставили меня стеречь виноградники, – моего собственного виноградника я не стерегла.

При этих словах Лиза посмотрела на свои смугловатые еще от солнечного загара руки. Потом быстро разделась донага и стала перед зеркалом трюмо, разглядывая себя с головы до ног. Все у нее было свежим и нетронутым ни безжалостным временем, ни тяжелой работой (мама ее берегла и нежила), ни чьими – то похотливыми руками. Золотисто-пшеничные локоны большими и плотными волнами спускались с головки на округлые и слегка отсвечивающие, почти прозрачные, словно пчелиный воск, в электрическом свете, смугловатые плечи. Нежные руки, похожие на лебединые шеи, едва прикрывали белоснежные, не тронутые летним солнцем и чьими-то смелыми губами, упругие девичьи груди с торчащими призывными розовыми сосцами, еще не обсосанными младенцами и не обмякшими, как у ее матери. Лиза нежно погладила себя теплыми и чуть влажными ладонями по грудям, до сей поры не знавшим мужских ласк. Лишь однажды их ощупал нахальный одноклассник после того, как они купались на реке и валялись разморенные под солнцем на горячем и белесом песке. Тогда она, резво вскочив с песка, облапанная Петькой, отвесила ему хорошую оплеуху, которую он помнил до конца дней своих. Так как никакой другой близости и непосредственного физического ощущения нравившейся ему девушки больше никогда не испытал. А за груди схватил Лизку только потому, что видел – так поступали со своими подругами парни постарше, купавшиеся на реке в излюбленном молодежью месте неподалеку от упавшей в воду, но еще удерживаемой корнями, старой осины. Целые игрища устраивались вокруг этого дерева. На его стволе иногда любила посидеть в одиночестве и Лиза. Но такие минуты покоя и мира здесь выпадали редко. То мальчишки, то рыбаки занимали дерево для своих игр или рыбалки. И, чаще всего, в летнюю пору тут стоял настоящий ребячий гвалт, сопровождаемый частыми бултыханиями нырявших в воду односельчан. Теперь, спустя два года, Лизе самой вдруг захотелось, чтобы кто-то согрел своими ладонями ее белоснежные и полные желания груди. Поцеловал их своими горячими губами. Она не заметила, как стала ласкать себя сама, раскинувшись на освещенной почти абрикосовым светом родительской постели и продолжая читать "Песнь Песней".

– Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?

– Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских.

– Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя.

Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях;

Золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блестками.

– Доколе царь был за столом своим, народ мой издавал благовоние свое.

Мирровой пучок – возлюбленный мой у меня, у груди моих пребывает.

Как кисть кипера, возлюбленный мой у меня в виноградниках Енгедских.

– О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные.

– О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! и ложе у нас – зелень;
– Кровли домов наших – кедры, потолки наши – кипарисы.
– Я нарцисс Саронский, лилия долин!
– Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами.
– Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей.

Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною – любовь.

Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви.

Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня.

Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленных, доколе ей угодно.

– Голос возлюбленного моего! вот, он идет, скачет по горам, прыгает по холмам.

Друг мой похож на серну или на молодого оленя. Вот, он стоит у нас за стеною, заглядывает в окно, мелькает сквозь решетку.

Лиза при этих словах сама взглянула в окно, выходящее в яблонево́й сад – не подглядывает ли и за ней кто? С мальчишками такое случится. Любят по селу шастать да заглядывать в чужие окна, надеясь застать там какую-то фривольную сцену, увидеть обнаженных и занимающихся любовью молодых супругов или любовников. Она снова настроилась на чтение и, чувствуя в теле сладкую истому, полупшепотом стала бормотать строки Святого Писания:

"Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

Вот зима уже прошла; дождь миновал, перестал;

Цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей;

Смоковницы распустили свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние. Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лицо твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лицо твое приятно.

Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете.

– Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет между лилиями.

Доколе день дышит прохладою, и убегают тени. Возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор.

– На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его и не нашла его.

Встретили меня стражи, обходящие город: "не видали ли вы того, которого любит душа моя?"

Но едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя, ухватилась за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей.

Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно..."

Лиза дочитала до этих слов и попыталась представить себе любовную сцену в спальне своей матери. Нет, это не подходит. Лучше я перенесусь за тысячи лет и километров в древний Израиль и увижу желаемое там, решила она, и закрыла глаза. Девушка уснула и неоднократно перечитанная ею на досуге "Песнь Песней", словно ожила. Она увидела молодого и богатого царя Соломона с чуть бледным и влюбленным лицом Валерия Ивановича, его роскошную свиту, состоявшую из отборных и великолепно одетых воинов в латах с мечами на боку. Они сопровождали царя во время его прогулки по окрестностям, расположенным вокруг его дворца. Носильщики несли царя на одре, сделанном из деревьев ливанских. Столпцы его были

вылиты из серебра, локотники – из золота, седалище из пурпуровой ткани. Внутренность его убрана с любовью дочерьми Иерусалимскими.

Откуда-то с небес или от гор доносился голос невидимого глазу, а только слышного сердцу, повелителя: "Пойдите и посмотрите, дочери Иерусалимские, на царя Соломона в венце, которым увенчала его мать, в день, радостный для сердца его.

Елизавета заснула еще глубже. Этот сон был приятен ей, и ожидаем ею. Она увидела себя во сне в образе юной восточной красавицы, которой добравшийся до нее царь уже нашептывал сладкие сердцу слова:

– О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской;

Зубы твои – как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними;

Шея твоя – как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных;

Два сосца твои – как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Доколе день дышит прохладою, и убегают тени, пойду я на гору мирровую и на холм фимиама.

Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!

Со мною с Ливана, невеста! со мною иди с Ливана! спеши с вершины Аманы, с вершины Сенира и Ермона, от логовищ львиных, от гор барсовых!

Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей.

О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов!

Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!

Запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник;

Рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами.

Нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирро и алой со всякими лучшими ароматами;

Садовый источник – колодезь живых вод и потоки с Ливана.

Поднимись, ветер, с севера и принеси с юга, повеи на сад мой, – и польются ароматы его! – пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его.

Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим.

– Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!

10.

На следующее утро Лиза по привычке встала раньше всех. Ей нужно было до занятий в школе успеть с массой домашних дел: задать корма курам, собрать в курятнике яйца, отложенные в гнездах. Слава Богу, что поросят уже, как при родителях, не было – закололи перед поминками матери. А корову та еще раньше продала после похорон мужа, отца Лизы. Ведь на поминки пришло, почитай, все село. Нужно было накормить, напоить добрых людей. В селе по-прежнему – рождение, свадьба и похороны с поминками считались главными событиями в жизни его обитателей, а потому и самыми затратными, требовавшими немалых денег. А еще Лизе утречком нужно было прибраться по дому – гость поселился -, выгладить форму брата, накормить его завтраком, привести в порядок себя. Она нехотя подняла еще тяжелые от недосыпа веки и увидела через посветлевшее окно, что заря только занимается и подкрашивает

малиновым светом бока низко плывущих с юго-запада туч. Снизу они были багрово-свинцовыми.

Похоже, к снегу или дождю. – Подумала девушка. – Как надоела зима. Март, солнце пригревает днем, тает снег, бегут ручьи по улицам, а по ночам столбик термометра опускается до десяти-четырнадцати градусов мороза. Все замерзает, дорога в школу покрывается наледью, становится скользко. Когда все это закончится и настанет настоящая весна? Чтобы можно было в одном легком и прозрачном платьишке выскочить во двор и не мерзнуть на пронизывающем ветру, не кутаться в мамину шаль или в тяжелый овчинный полушубок. Лиза потянулась, что было мочи, чувствуя, что ее кожа на теплом животе и все тело натягиваются, словно тетива лука. Еще пару минут понежилась, глядя в окно, помечтала о своем, и сама себе приказала:

– Ну, все, хорошего понемногу. Подъем! Пора и делом заняться.

Быстро оделась. На цыпочках, чтобы не разбудить Митю и Валерия Ивановича, прошла в сени. Сунула белые ноженьки в материнские сапоги, натянула потяжелевший и такой постылый овчинный полушубок, вышла во двор. Куры уже недовольно кудахтали и рылись в вольере, отыскивая хоть какую-то поживку или мелкие камешки, которые им были необходимы для нормальной работы желудков. Услышав скрип распахнувшейся двери и шаги своей кормилицы, птицы подняли настоящий гвалт. Лиза быстренько прошла в сарай, набрала в большой черпак зерна, и уже через минуту насыпала его в желобок кормушки, отмахиваясь от налетавших на нее, словно обезумевших кур.

– Вот заразы, словно вас век не кормили. Цып, цып, цып, налетайте, пока я добрая. – Задавала она вдвое больше обычного пшеницы в кормушку, чтобы куры поскорее уgomонились и не шумели на весь двор, не мешали ее постояльцу спать.

Но он в чужом доме тоже проснулся рано. Вышел через пару минут после Лизы во двор в спортивном костюме и кроссовках, приветливо поздоровался с девушкой и занялся утренней зарядкой. Вообще-то поначалу он хотел выйти за ворота и сделать утреннюю пробежку. Но когда выглянул на улицу и увидел смерзшиеся за ночь колдобины и гладкий лед вокруг них, отсвечивавший розоватым светом, то передумал – недолго и ноги сломать на такой дороге к крепкому здоровью. Пока придется повременить с кроссом. А вот легкую зарядку во дворе сделать можно. И он начал с бега на месте. Но вскоре остановился, так как за заборм громко забрехал наблюдавший за странным поведением незнакомца соседский Полкан – кобель серьезного нрава и с убедительным, могучим голосом, от которого Валерию Ивановичу стало как-то не по себе. Собачьего лая он явно не переносил. Особенно с тех пор, как был облаян бульдогом отца своей возлюбленной, когда все же самовольно и втайне попытался перелезть через высокий кирпичный забор и пробраться к окну Наташи. Азиат – так звали рыжего, с черными подпалинами, кобеля – не купился на общепитовский пирожок, и зарычал угрожающе. А когда Валерий одним махом перемахнул через забор и оказался на улице, разразился таким громким и энергичным лаем, что молодой неудачник помнил его до сих пор. В vip-городке, обитатели которого не любили рано вставать, за такое беспокойство солидных и уважаемых хозяев их охранники могли и поколотить. А как они это делают, Валерию Ивановичу напоминать было излишне. Его бока и ребра еще помнили...

– Дикие люди, дикие нравы! – только и сказал тогда сам себе под нос расстроенный неудачник.

И теперь, глядя на озлобившегося и разлаявшегося кобеля, он подумал о том же: "Ну, зачем здесь такие заборы и такие свирепые псы? Боятся друг друга? Не уважают ближайших соседей, сами лаятся и грызутся, как собаки, из-за пустяков? При случае обворовывают друг друга? Или городских воров опасаются? Да и то, и другое – Россия! То ли дело Англия или Германия, где он, будучи победителем городских школьных математических олимпиад, бывал еще старшеклассником по культурному обмену с этими цивилизованными странами. Ни воровства, по большому счету, ни бешеных псов! Там даже двери на замки много лет в домах и кварти-

рах не закрывали. Говорят, только с приходом русских, точнее, советских стали прикручивать устройства и запоры крепкие. Воруют всю жизнь, воруют наши люди! Разве с такими замашками можно в мировую цивилизацию входить! Вот уже на Западе и о русской мафии заговорили. А что бандиты и нувориши делают у нас в стране, здесь, в областном центре! Что ни день, то заказное убийство. Черт бы их всех побрал!" – делая энергичные круги руками, возмущался Валерий Иванович. – "А еще в ВТО хотят вступать. Со свиным рылом да в торговый ряд! Припрутся в Европу российские толстосумы и бандиты, всех обворуют и бульдогами затравят, всем бока поотбивают – дикари! Ну почему я не родился, хоть в каком-нибудь Лихтенштейне или Андорре, на худой конец? Угораздило же родителей именно здесь, в заволжском городке, осесть после институтов. Что уж теперь их винить, ничего не поделаешь, нужно приспособливаться к тому, что есть. Вот к этому убогому двору с его курами, собачьему лаю, сельской грязи, как только растают снег и лед на дороге и ее развезет от талой воды. Да это все ерунда. К хамству как привыкнуть? К непроходимому невежеству и мату? Ведь тут каждый школьник, как замусоленный сапожник матерится. Да еще такие словечки в полудикую речь вворачивает, что только диву даешься: и откуда он их берет! Вот накануне, перегоняет какой-то мальчишка лет двенадцати корову со двора на двор и орет на всю улицу, вытаращив обезумевшие глаза: "Ах, ты блядь бычья, паскуда недоштопанная, куда тебя прет, в заворот тебе до лопатки, кружина рыжая! А ну, поворачивай к воротам!" А поговори с ним о Пушкине или Лермонтове, двух слов не свяжет. Уткнется взглядом в потолок, набычит, и будет что-то не человекообразное, нечленораздельное мямлить! Россия!"

Лиза покормила кур, выбрала яйца из гнезд, и, выйдя из курятника, любовалась стройным телом и спортивными, доведенными до автоматизма, красивыми движениями своего учителя, который продолжал делать утреннюю зарядку. Даже на расстоянии от него исходила какая-то необыкновенная и очень приятная девушке энергия. А вот отец никогда не делал утреннюю гимнастику. Говорил, что в кабине трактора такой заряд получает, аж спину ломит и руки отрываются. И так всю жизнь! Не позавидуешь. Сухие мозоли, размером с большие бобы, были на шершавых ладонях. И как только он ими мать ласкал! Ой, о чем это я? – перекрестилась, спохватившись от собственных озорных мыслей, Лиза. – Про какие такие ласки подумала! Черте что в голову лезет. Она рассмеялась, и с веселостью на лице пошла к крыльцу.

– Как ты только управляешься одна со всем хозяйством! – то ли удивился, то ли выразил восторг в ее адрес учитель. – Я бы и то, наверное, не смог. Молодчина! Просто молодчина! Но неужели только этим и будешь всю жизнь заниматься? Не думала еще, кем станешь? – Взяв в руки скалку и методично взлетая над ней, как-то неловко и почти обидно спросил девушку, подпрыгивающий, как резиновый мячик, Валерий Иванович.

– Да куда же деваться в таком положении? Вот выучусь, может, в город подамся, или за границу. Недавно в газете объявление видела, там молодых девушек на работу за рубежом приглашают.

– Да ты что, даже не думай об этом! – махнул рукой оторопевший от такого сообщения учитель. – Сплошное надувательство. Таких девушек обманывают и в рабынь превращают. Учиться нужно усерднее и в институт поступать.

– А что потом? Вон Валентина – соседка, через дом живет, поступила и закончила политехнический. А теперь дома сидит, работу в городе найти не смогла. А здесь с ее специальностью делать нечего.

– Да, проблем сейчас с трудоустройством много. Но учиться все равно нужно. Без специальности и диплома еще труднее будет найти место. И жить без образования не интересно.

– Это почему же?

– Ну, как тебе объяснить? Не содержательная жизнь без знаний получается, примитивная что ли, как у червяков. Только знания человеку глаза на прекрасное открывают и увлекают в такие горизонты, что даже дух захватывает.

– А откуда Вы все это знаете? Может, все и не так? Вы же, Валерий Иванович, всего несколько лет, как стали преподавать.

Валерий Иванович настороженно взглянул на Лизу чуть сузившимися глазами. Она это заметила и быстро поправилась:

– Ну, я имею в виду, что большого опыта у вас еще нет, а Вы так обо всем уверенно судите.

– Делать замечания старшим нехорошо! – заметил молодой учитель. – А большого опыта и не нужно, чтобы понять то, о чем я тебе говорил. Вот подрастешь, сама убедишься в этом. Если, конечно, учебу не бросишь раньше времени.

"Фу! Ну, совсем скучно заговорил. Непроходимая скука поперла из педагога. – Подумала Лиза. – Сейчас воспитывать и наставлять начнет. Надо поскорее заканчивать этот урок. А то на настоящие занятия опоздаю. Еще Митю поднять и собрать в школу нужно, завтраком накормить".

– Валерий Иванович, а вы яичницу любите? – перевела она разговор на другую тему. – Я вот свеженьких собрала. Поджарить или отварить?

– Вы не беспокойтесь. – Почему-то перешел на "Вы" учитель. – Я сам себе все приготавливаю. У Вас и без меня много дел...

– Да какие тут дела – пожарить или отварить, пустяки!

– Тогда, если не трудно, лучше отварное яйцо.

– Вкрутую или всмятку? – как мать когда-то отца, переспросила Лиза своего милого постояльца.

– Лучше всмятку.

– Хорошо, я тоже так больше люблю. Сейчас, мигом сварю! – Пообещала она, и, засмеявшись, вспорхнула, словно птица, на высокое крыльцо.

Самара по весне иногда разливалась, и вода подходила прямо к дому. Поэтому отец срубил крыльцо повыше. Да и завалинка или цоколь у дома были предусмотрительно приподняты на случай наводнения. Правда, Валерий Иванович о нем еще даже не подозревал и в село приехал в городской обуви – остроносых сапожках да с парой запасных полуботинок.

Вообще все село было построено неподалеку от реки на небольшом увале, переходящем в ровное и широкое поле, добегавшее до хвойного леса, стоявшего поодаль синей и мрачноватой стеной. Поближе, но за рекой, был расположен смешанный лес, состоявший в основном из осин и ольхи, редких берез и вязов. По осени они разрисовывали лес разноцветными вспышками ярко-желтой, оранжевой и багровой листвы. Особенно контрастно она разгоралась на фоне довольно частых темно – зеленых, изумрудных елей. Предки бурьяновцев, конечно же, ценили и любили эту красоту, и хотели быть к ней поближе. Ведь лес и река кормили их. Но, в то-же время, представляли собой и немалые опасности. Оттуда можно было ждать не только зверья или поднимавшейся талой воды, но и врагов. Само основание сел в этих местах, как рассказывали Лизе и ее одноклассникам на уроках истории, было связано с необходимостью укрепления юго-восточных границ Московского государства. Не последнее значение играло и заселение ее края, создание целой цепи казачьих поселений и укреплений, крепостей, охранявших мирное население от набегов кочевников – башкир, казахов и ногайцев, а также татар и потомков чингизидов, обосновавшихся в Казанском царстве. Кстати, территория этого государства в те времена простиралась в пределах нынешних Самарской, Ульяновской областей и Татарстана. Но заселены эти места были в основном по берегам рек – от Верхней Волги до Камы. При правительстве Ивана 1У в 1586 году в устье реки Самара была построена одноименная крепость, а на реке Белой – крепость Уфа. Заселялась поначалу более защищенная крутым берегом правая сторона Волги. В конце XV11 века для дальнейшего заселения и закрепления края начали строить так называемую «Закамскую черту» (вал и ров), которая проходила от нынешней Ульяновской области на Казань. Примерно в 1730 году началось строительство другой заградительной черты со рвом и валом – от реки Кинель при впадении ее в Самару

в направлении реки Сок и дальше на север в сторону Бугульмы и Казани. В конце она сливалась с «Закамской чертой». Назвали ее «Новой Закамской чертой». Отдельные ее фрагменты и следы сохранились и до сих пор. В 1738 году в устье реки Ори был заложен город Оренбург, а через пять лет он был перенесен на свое настоящее место. Освоение и расширение Оренбургского края за счет башкирских земель проходило в кровопролитной борьбе с народами, ранее заселявшими эти земли. Здесь, в основном по рекам Самара и Урал, решено было строить крепости, заселять близлежащие земли, основывая на них села, чтобы утвердить российские завоевания. Но поскольку не хватало людей для службы в данных укрепрайонах, из густонаселенных областей Украины стали вербовать казаков и переселять их в Заволжье. Подтверждением тому является Указ о поселении в крепостях переселенцев из Малой России от 20 августа 1739 года, подписанный рукой императрицы Екатерины и посланный на имя начальника Оренбургского края генерал-лейтенанта Урусова. В октябре 1741 года до 1000 подвод с переселенцами из Малой России отправились в дальний путь. Часть их по дороге убежала, кто подался в разбойники, кто в вольные казаки. После смотра, проведенного по прибытии семей переселенцев в Оренбургский край, стало ясно, что до назначенных мест добрались лишь 618 семей. Возможно, среди них были и предки Лизы Мордвиновой.

Пустить корни на новой земле им было чрезвычайно трудно. Отстаивать новые пространства приходилось в частых и жестоких схватках с башкирами и другими кочевниками, которые из того же Западного Казахстана уже десятилетиями и столетиями перегоняли скот на летние пастбища с сочными травами, находившиеся в этих местах. Поэтому наметившаяся в те годы межэтническая вражда и нередко случавшаяся барымта (набеги и разбои с поджогами и угонами скота и людей в плен) имели чисто экономическую основу. Именно они стали причиной нового исхода и миграции казаков. За полтора года после переселения число их в этих местах значительно уменьшилось.

В 1741 году на престол вступила дочь Петра-1 Елизавета Петровна. В том же году скончался начальник Оренбургского края князь Урусов. Вместо него назначили И.И.Неплюева. Он провел смотр укреплений и не одобрил политику и практические шаги своего предшественника по переселению украинцев, которые уже открыто заявляли о желании вернуться на историческую родину. Неплюев в специальном донесении правительству высказал предложение о разрешении украинцам вернуться на родину. Сенат с доводами Неплюева согласился. Многие переселенцы потянулись в обратную дорогу. Но 46 семей, в основном из крепостей Рассыпная, Чернореченская и Татищевская, с разрешения Неплюева и Сената остались, перейдя на жительство вглубь края, на реки Самара и Большой Кинель. Примерно тогда же возникла и Бурьяновка. Почему казаки выбрали это место для жизни и службы государыне-императрице? Да потому, что это место было очень красивым и удобным. Рядом протекала полноводная река с поймой и лугами, на вспаханных полях оказалась урожайная почва. В лесах, богатых дичью и зверьем, водились медведи, волки, лисицы, зайцы, белки а также всевозможные птицы: тетерева, рябчики, куропатки. На озерах гнездились дикие гуси и утки, выхухоль и бекасы. Правда, волки создавали проблемы. С ними приходилось бороться не на жизнь, а на смерть. Ведь они часто нападали на домашний скот и людей, приносили немало бед. Но еще больше боялись набегов незваных гостей – башкир или татар, а также ногайцев и казахов. Их отдаленные предки только со временем поселились неподалеку от здешних мест, наконец-то примирившись и нередко породнившись с русскими.

Валерию Ивановичу это тоже было известно. Но многое еще предстояло узнать, чтобы не выглядеть в глазах местных преподавателей "белой вороной". Что касается Лизы, то перед ней он мог блеснуть своей эрудицией, в том числе и исторической. Именно это он и сделал за завтраком, вспоминая прошлое здешнего края и как бы невзначай интересуясь историей села. Девушка не ударила в грязь лицом и рассказала ему много такого, о чем он, как приходилось признать, и не догадывался. Впрочем, это было по большей части связано не с обще-

историческими сведениями и хронологией значительных событий, а с местными преданиями и пересказами биографий первых бурьяновских поселенцев, некоторые из которых самолично кланялись прибывшей для осмотра края императрице Екатерине-11. Другие позднее видели самого А.С. Пушкина, путешествовавшего в здешних местах и собиравшего материалы для своей будущей "Капитанской дочери". А один из стариков рассказывал, что его не такие уж и далекие предки занимались извозом красной рыбы для царского двора. Возили с Урала и из-за него из Казахстана с Тюбкараганского полуострова, где была расположена рыбачья станица Николаевская, населенная выходцами из Оренбуржья и Поволжья, двухметровых осетров и таких громадных белуг, обложенных сохранным с весны льдом, что те еле помещались на просторных крестьянских телегах. Про стерлядь, которой и в Самарке было видимо-невидимо, а теперь почти перевелась, уж и не говорили. Одним словом: близкое – далекое. Было что вспомнить и чем похвалиться бурьяновцам. Больше всего Лизе нравились красивые старинные легенды, особенно те, в которых рассказывалось о любви и гибели красавицы по имени Кинель. Не послушалась она запрета отца, разлучившего ее с любимым, бросилась за ним в реку, и утонула. С тех пор и зовут реку, впадающую в Самару, Большой Кинель.

– Да, грустная и красивая история. – Согласился с Лизой, и глубоко вздохнул, думая о чем-то своем, с удовольствием выслушавший ее учитель. Настроение у него с утра, наперекор всякой логике, стало подниматься. Ведь в легенде, рассказанной хозяйкой, была не только история о жестокости и бессердечии отца влюбленной героини, но и намек на то, что за свою любовь нужно бороться, чего бы это ни стоило. К тому же, у Лизы во время ее рассказа озорно и увлеченно горели глаза. Рдели свежие щеки и бурно вздымалась нежная грудь под блузкой, просвеченной косыми и яркими солнечными лучами уже высоко взошедшего солнца. И так приятно звучал грудной девичий голос, что Валерий Иванович от всего этого почувствовал какой-то прилив свежих физических и духовных сил, и понял, что для него в этой жизни еще не все потеряно. Да и на новом месте все складывалось неплохо. Он мог с удовольствием заниматься своим любимым делом – преподавать детям математику, готовиться к поступлению в аспирантуру, набрасывать эскиз будущей диссертации. У него была крыша над головой, уютная комната. Прекрасная молодая хозяйка окружила его своей заботой и вниманием. Чего еще желать!

11.

Учебный год шел к концу. Весенние дни пролетали, как перелетные птицы, возвращавшиеся с юга. Валерий Иванович и Лиза, с которой он подружился за полтора месяца после поселения в ее доме, и даже нередко вместе гулял у реки, начав такие прогулки с наблюдения за ледоходом, незаметно для себя постепенно сблизились, хотя чувства их друг к другу были разными. Лиза по уши влюбилась в молодого учителя и теперь только и думала о нем и их возможной совместной жизни. Горела этой идеей, но таила ее в душе, боясь выставить наружу. Она буквально не могла насытиться на предмет своего обожания. А молодой человек, отлично видевший все это, еще не забыл свою Наташу. Он втайне, хотя все реже, вздыхал о ней в минуты досуга и тянулся к ней душой через оттаявшие и вскрывшиеся своей чернотой, зеленью и синевой дали. Между тем он замечал, что внимание юной хозяйки дома ему не только льстило, но и было приятно. Иногда в его голову закрадывались даже грешные мысли, которые он, впрочем, старался тут же отогнать от себя. Выходил во двор или на огород и похозяйски наводил там порядок. Соседи Мордвиновых, заметив такие усердные занятия молодого учителя, одобрили их – слава Богу, не белоручка воспитывает детей в школе. Видно, что руки у него из нужного места растут. Да и голова имеется, не зря же математик! Но за своего бурьяновского его все-равно не принимали. Держались, хотя и с почтением, но на дистанции.

Так оно и должно быть. – Не обижался на них молодой учитель. – Они ведь простые крестьяне, а я все-таки преподаватель, учу их детей. К тому же горожанин, вместе в речке без штанов не купались...

Когда снег сошел полностью, и земля отогрелась и подсохла, Валерий Иванович с Лизой целое воскресенье провели на огороде. Вскрывали вилами почву, освобождали ее от прошлогодней ботвы и травы, готовили к посадке картофеля и овощей. Земля, сверху сухая и сероватая, вся, словно в оспинах от стоявшей и просачивавшейся к грунту талой воды, чуть глубже была влажной и тяжелой. Копать ее еще было нелегко. Молодой человек уже через час после такой копки почувствовал, что мышцы на ногах, поначалу приятно размявшись и разыгравшись, теперь подустали и наливались почти свинцовой тяжестью. А Лиза, выросшая в селе и с детства привыкшая к нелегкой крестьянской работе, словно не замечала этого. Она стремительно вгоняла поблескивавшие под солнцем отточенные зубья вил в податливую почву, и пласт за пластом открывала ее преисподнюю божьему свету. Неповторимый запах весенней земли втекал в ноздри и дурманил голову. Но девушка старалась не думать об этом. Она, как автомат, ритмично нажимала и нажимала левой ногой на плечико вил и постепенно уходила от своего постояльца вперед.

Валерий Иванович, чаще останавливавшийся, чтобы передохнуть с минутку, с нежностью смотрел ей вслед и любовался задорными движениями молодого девичьего тела. Как легко у Лизы прогибалась в наклонах спина с крепкой, как у лани, талией, когда девушка подхватывала с земли ботву и отшвыривала в сторону. Как играли у нее ягодички, обтянутые старыми джинсами, когда она давила и давила ритмично поднимавшейся и опускавшейся стройной ногой на вилы! Ну, чем не сельская богиня! – подумал про себя молодой учитель. – И если такую богиню раздеть, то...

У него от представленной картины даже дух захватило и пересохло в горле. Валерий Иванович воткнул вилы в землю и пошел по направлению к саду, немного прикрывавшему мордвиновский дом. Там на сколоченном из досок и посеревшем от времени столике стоял кувшин с водой. Нужно было пропустить глоток.

Валерий Иванович на ходу сообразил, что, наверное, и Лизу уже мучит жажда от такой горячей работы. Поэтому, еще раз взглянув на нее сзади, он окликнул:

– Лиза, я пойду, воды попью, тебе принести?

– Ага, принесите, если не трудно. Вы, Валерий Иванович, сильно не напрягайтесь, а то поломаетесь с непривычки. Завтра спину не разогнете и на ноги не встанете от такой пахоты.

– Ну да, ты что же, думаешь, если я городской, то никогда в земле не ковырялся? Да у нас же дача за городом была. Мы там с мамой цветы и овощи сажали. Тоже копались.

– Да какой там у вас участок был – наверно, шесть соток, с гулькин нос! – рассмеялась Лиза. – Для баловства только. А тут тридцать соток. Они нас кормят!

Вскоре Валерий Иванович сам попил водички и принес ее Лизе. Та пила, а он любовался ее влажными, словно спелые черешни, губами, светло-золотыми прядями русалочьих волос, развевавшимися под легкими порывами ветра. Нежными и полными прелести и неоткрытых тайн голубыми славянскими глазами. Красавица, одно слово красавица. И не ленивая. Какая трудолюбивая и заботливая! Вот кому-то повезет с такой после женитьбы.

– Спасибо! – протянула опорожненную кружку девушка и тепло взглянула Валерию Ивановичу прямо в глаза.

Он на мгновение почувствовал, что этот взгляд, будто прожег его изнутри и наполнил тело теплом и истомой. Учитель протянул руку, чтобы взять кружку. На мгновение их ладони соприкоснулись. Словно разряд легкого тока прошелся от ладони через плечо к самому сердцу. То же самое почувствовала в тот момент и Лиза. Короткое божественное "замыкание" оставило озорные и настороженные искры в их глазах. Но нужно было копать землю и готовить ее к посадке картофеля и овощей. Митю они отпустили погулять на улицу. И с раннего утра часов шесть кряду копали и копали теплую и так дурманившую их весеннюю землю. Валерию Ивановичу вдруг показалось, что ничего прекраснее в жизни он не ощущал. Копал раньше почву на даче, но особенно не усердствовал, а тут неловко было отставать от молодой ученицы.

"Напахался", как говорится, вдоволь. И запахов земли в себя втянул столько, что почувствовал такую близость и расположение к Лизе, которых никогда раньше не было. Но руки и ноги уже не слушались его. Спина ломила от такой весенне-огородной "пахоты". И постепенно он стал тускнеть, злясь на себя за свою слабость. Лиза заметила, что Валерий Иванович постепенно с непривычки сдает. И чтобы уж совсем не расстроить его, вдруг вскрикнула, с отчаяньем вонзив вилы в землю: "Да ну ее к лешему – эту работу! Вот замучила! И я вас замучила, Валерий Иванович, бросайте все, пойдемте, умоемся да пообедаем"!

Действительно, умыться после такой работы и пролитых потов, постоянно щекотавших ноздри и щипавших глаза, было очень даже кстати. Валерий Иванович воткнул вилы в землю и согласился с хозяйкой: "В самый раз, потом закончим. Отдохнем и еще покопаем".

– Может, Вам колонку включить, чтоб душ принять?

– Не помешало бы. – Еле передвигая ноги, направляясь к дому, согласился Валерий Иванович.

– Только ты, давай, первая искупайся, я посижу на скамеечке и передохну. – Присел он на лавку в садике за домом.

Лиза согласилась. Ведь ей нужно было не только освежиться, но еще наспех приготовить обед, сварить хоть "скорый" суп и картошечки. Она быстро, словно не было усталости, прошла в дом и прошлепала босиком через сени в ванную комнату, пристроенную и оборудованную отцом по настоянию матери, которая не хотела каждый раз, особенно зимой, идти для помывки в имевшуюся у них неподалеку от дома русскую баню. Там они парились и мылись по воскресеньям, зачинали детей. А ванная служила для ежедневных гигиены и туалетов. Поэтому отец поставил на чердаке бак для воды, пополнявшийся через проложенный к нему резиновый шланг с насосом на конце, опущенным в колодец. Этот бак служил для хорошего напора воды, когда они включали газовую колонку и нагревали воду. В общем, все у них было, как у людей, не хуже, чем в городе. Но только теперь, оставшись без родителей, Лиза начинала это понимать, чувствуя тепло отцовских и материнских рук во всем, что создавало уют и удобства в их доме. Девушка вошла в ванную, пустила воду, зажгла колонку и на минутку присела на край чугунной ванны. Задумалась о своем. Потом словно спохватилась, вспомнив про свои обязанности, быстро разделась и залезла под душ. Теплая вода, выбивавшаяся упругими струйками из смесителя, щекотала груди, шевелившиеся в наплывах солнечного света, пробегая по телу, ласкала живот и бедра. Лиза взяла в руки мыло и, намыливая их нежной ладошкой, чувствовала все нараставшие в себе новые и новые желания. Весна наполнила ее своей весенней энергией и теплом, любовью и предчувствием уже близких мужских ласк, как прекрасный кувшин из тонкого фарфора, просвечивавшийся на солнце. Лизе стало душно, и она приоткрыла одну створку окна, чтоб впустить в ванную свежего воздуха. День был не по – апрельски жарким. Солнце нагрело южную сторону дома, где как раз и находилась ванная. Так что простыть от сквозняка девушка не боялась, с наслаждением продолжала купаться, поливая себя из никелированного смесителя.

Валерий Иванович с минуту посидел в тенечке на скамейке в садике. Но почувствовав, что тут не совсем тепло – спина начала остывать, – решил пройти через садик во дворик и устроиться для отдыха на бревнах, с южной стороны дома. Он прилег на паре широких и теплых бревен, с наслаждением втягивая через ноздри запах нагретой солнцем сосновой смолы, и прикрыл, словно уснув, глаза. Солнце просвечивало кожу век, перевитую мелкими кровеносными сосудами, и создавало какую-то полуфантастическую картину. Вспомнились уже отдаленное годами детство в небольшом заводском городке до переезда в областной центр, родная улица, дом, рядом с которым он вот так же когда-то сидел по весне на почти таких же бревнах, привезенных для какого-то строительства. Рядом с ним тогда были друзья детства из семей рабочих и служащих (заводчан, врачей, учителей и т.д.), родители – инженеры-нефтяники, горячо любившие друг друга и его, как самый дорогой плод их любви. Удивительно,

но и будучи уже пожилыми, они, как и в молодости, а, возможно, и больше, оставались нежными друг к другу. Продолжали, хоть и скрытно для него, целовать и ласкать друг друга. Перед мысленным взором Валерия Ивановича на оранжево-бежевом фоне, созданном веками, пронизанным солнечным светом, он, как наяву, увидел почти сексуальную картину близости двух людей, и почувствовал, что по его телу разливается приятное весеннее тепло.

Глаза он приоткрыл после того, как скрипнула рама окна и одна из его половинок, покрашенных голубой и успевшей полопаться краской, неожиданно распахнулась. В проеме окна, не видя его, боком к нему, стояла обнаженная и обливаемая искрившейся в солнечных лучах водой Лиза. Валерий Иванович от этой картины ошеломился. У него перехватило дыхание. Шумом его он боялся спугнуть и поставить в неловкое положение эту прекрасную и действовавшую на него уже, как дорогое, хмельное вино, девушку. Он прикрыл ладонью глаза на случай, если Лиза обнаружит его, раздвинул пальцы, и продолжал любоваться обнаженной красавицей. О Наташе он словно забыл в эти минуты. Да он ее, собственно, вот в таком виде, моющейся, никогда и не видел. Валерий Иванович, как ему казалось, вовсе и не смотрел на Лизу, а буквально пил из ее сосуда, выпивая всю ее несказанную красоту капельку за капелькой. Неожиданно в нем возникло непреодолимое желание сблизиться и слиться с этой девушкой, стать одним целым с ней. Но он, как в далеком уже детском сне, когда ему снилось что-то пугающее и страшное, не мог даже пошевелиться, и едва дышал.

Неожиданно, словно почувствовав взгляд посторонних глаз на своем обнаженном теле, Лиза резко повернула мокрую головку по направлению к глухой стене соседнего дома, под которой лежали бревна, и чуть не вскрикнула, заметив взбравшегося на них и разлегшегося Валерия Ивановича. Хотела прикрыть окно, но остановила руку, подумав, что тот заснул, разомлев на солнышке. А он, продолжая любоваться ею, боялся хоть чем-то выдать себя и разубедить ее в этом. Оставался в том же положении, с прикрытым ладонью лицом. Наконец, девушка все же засомневалась в том, что он спит, и торопливо просунув мокрую руку в окошко, закрыла приоткрытую створку. "Кино" закончилось. А по телу Валерия Ивановича продолжали ползать бесы.

С тех пор он ждал повторения подобного "сеанса" и буквально мучился оттого, что не мог видеть обнаженную Лизу снова и снова. В один из теплых майских вечеров он вошел к ней в комнату под предлогом того, что хотел бы взять у нее книгу Жоржи Амаду, стоявшую в этой комнате на полке, да так там и остался на всю ночь. Девушка сама давно ждала его.

Вначале они поговорили о том, о сем. Он полистал расхваленный Лизой роман, почувствовал искру от одной из любовных сцен, на которые наткнулся в книге буквально сразу. Прочитал вслух несколько строк, описывавших момент любви доны Флор и Гуляки – ее первого мужа. Словно наяву увидел ту картину, наполненную безумной страстью, и не смог удержаться, отложил книгу и обнял Лизу. Девушка чуть не вскрикнула от такого приятного объятия, и вся затрепетала, прильнув к нему и еще неумело, чуть стыдливо, уклоняясь от его жарких поцелуев, которыми он обсыпал ее с головы до ног. Потом раздел и продолжая целовать, шептать горячие слова, осторожно склонил на кровать.

За окном стояла полная луна, наполнявшая все вокруг своим колдовским и всепроникающим светом. Рано расцветшие в этом году вишни заливали через приоткрытую форточку Лизину комнату каким-то чарующим ароматом нежнейших лепестков. В ожившем саду разливалось пел неутомимый соловей, которому бездарно, но постоянно вторили голоса влюбленных сверчков. Весь мир был наполнен любовью и лаской, божественным благоуханием. Ну, как тут было устоять!..

Они наслаждались друг другом до утра. А выйдя по утру со двора, бледные от усталости, но счастливые, вместе направлялись к школе. Встретив их на улице, соседка тетя Люба внимательно посмотрела им вслед и, словно что-то заподозрив, долго оставалась посреди дороги,

как вкопанная, мучаясь от собственных догадок. Проходившая мимо Сучкова даже пошутила: "Что, смотришь? Забыла, как сама в девках ходила? Вспоминаешь?"

– Тьфу ты, дура! Напугала до смерти! – очнувшись, грубо ответила она насмешнице. – Кому же за девкой, как не мне, ближайшей соседке, посмотреть? Мне и Анна, ежели чего случится, наказывала, а ты насмехаешься! Смотри, чтоб собственной дочке парни подол не задрали, а то вся цветет и пахнет, так и привлекает ребят.

– Да ты что мелешь, стерва, у самой дочки нет, так выливаешь свою обиду на добрых людей. Иди лучше мужу пожалуйся, и не забудь спросить, почему он тебя такой же дочкой не наградил?

– Ну, дура, она и есть дура! Что тут еще скажешь. Иди уж своей дорогой, не задевай, а то тут и останешься, змея.

– Ой, ой, испугалась, вся дрожу! – передразнила моложавую Любу ее соседка Сучкова. Однако задерживаться не стала – знала горячий нрав своей односельчанки. Та могла и за волосы потаскать при случае, если, конечно, ее сильно достанут. Так что уж лучше подальше от греха – решила Сучкова, – и направилась к сельскому магазину за покупками.

А Лиза и Валерий Иванович тем временем приближались к школе. Девчонки-одноклассницы, заметившие их издали, стоя возле школы, о чем-то нехорошо перешептывались. Наверное, завидуют мне, вот и перетирают наши кости. – Подумала, глядя на них, Лиза.

Но в то-же время ей было как-то неловко от собственного, неожиданно пришедшего к ней, как весеннее тепло, счастья, ночной близости с учителем. Он быстро взглянул на отрешенное и расплывшееся в улыбке лицо Лизы, когда они приближались к школе, и вдруг как-то холодно сказал: "Лиза, проснись, ты уже не в постели. Смотри, не выдай подружкам нашей тайны, не проболтайся, а то у меня будут неприятности".

– Да что ты, вы, – поправила девушка. – Я понимаю, никому ничего не скажу, не волнуйтесь.

Но в ее общем поведении и настроении появилось столько нового и непривычного, что совершенно скрыть от подруг и учителей ее запретных отношений с Валерием Ивановичем, и чувств к нему, казалось, просто невозможно. Вскоре это заметили и зашушукались вначале по углам школы, а потом и по всему селу.

Мария Ивановна, когда до нее дошли слухи об особых отношениях Валерия Ивановича с его молодой хозяйкой, вначале не поверила, подумала, что это обычные бабские сплетни, вызванные элементарной завистью или несбывшимися надеждами молодых и не очень молодых коллег молодого математика. Но потом, когда сама понаблюдала за Лизой и Валерием Ивановичем, поговорила с их соседками, поняла, что дело, похоже, зашло далеко. Но как теперь все исправить и спасти незапятнанную репутацию их педагогического коллектива и всей школы? Не дай Бог, забеременеет, шельма, выкатит живот на улицу, тогда что?! – от одной этой мысли директору школы стало плохо. Она пригласила к себе в кабинет счастливую девушку, еще не зная, с чего начать с ней разговор, чтобы не ранить зря ее неопытное сердце.

– Вызывали, Мария Ивановна?

– Да, проходи, не стесняйся, присаживайся. – Без какого бы то ни было намека указала на стул перед письменным столом директор.

– Спасибо! – вежливо поблагодарила ее девушка, и вдруг покраснела, догадавшись, о чем дальше пойдет разговор.

Директор заметила это и поняла, что дальше расспрашивать Лизу бесполезно. Правды не скажет, будет отпираться. А, если пригрозить, то разговора вообще не получится. Но, с минуту поразмыслив, отчего в кабинете воцарилась тяжелая тишина, Мария Ивановна все-же спросила:

– Лиза, как поживаешь? Валерий Иванович не обижает?

Девушку, словно в огонь бросило от этих слов. Она вся покраснела и, пытаясь совладать с собой от того, что кто-то покушается на ее счастье и лезет в ее личную жизнь, с вызовом спросила:

– А что вы имеете в виду?

– Ну, знаешь, в жизни всякое случается. – Как-то туманно ответила Мария Ивановна. – Совместный быт иногда чреват осложнениями в отношениях проживающих под одной крышей. У тебя-то дома, голубушка, как?

– Все нормально, Мария Ивановна, что это вы вдруг спрашиваете об этом?

– Да такая должность у меня, чтоб спрашивать, интересоваться всем и за все отвечать, милочка. – Ну, не стесняйся, признайся, все у вас с Валерием Ивановичем ладно? Митя с ним не ссорится?

– Да что вы, душа в душу живут. – Поспешила успокоить Марию Ивановну Лиза. – И между нами мир, он ведь умный и культурный человек. Зря никого не обидит. К тому же очень чистоплотный, сам за собой комнату убирает, посуду моет. Беспокоиться не о чем.

– А посмотри-ка мне в глаза, Мордвинова, признайся, ты на него неровно дышишь? Ведь так?

– Да у нас в классе и в школе в него многие влюблены, ну и что с того?

– А то, что отношения с мужчиной, особенно таким интересным и молодым, знаний и ответственности требуют. Смотри, как бы беды не вышло, сильно не увлекайся! А то уже разное люди говорят про вас.

– Это вы о чем? – вскочила со стула и вспылила Лиза. – Спрашивайте, если хотите, что же вы стесняетесь: спишь с математиком или не спишь, да? – в момент разгорячилась девушка. – Вы это хотели узнать? Можете успокоиться, – не стала она выдавать учителя, – не сплю. А в мою личную жизнь, пожалуйста, не вмешивайтесь! Хочу – люблю. И что с того? Сердцу не прикажешь. – Сказала она с вызовом пожилой директрисе.

– Ты не дыми зря, и не вспыхивай, как пламя. Мое дело предупредить. Еще раз говорю, смотри, чтоб после этой любви беды не вышло! Тебе вообще еще рано о любви думать, учиться надо. А налюбоваться и после школы успеешь.

– Да нужна мне ваша школа! Идите вы все, куда подальше со своими советами! Что вы ко мне в душу лезете? Сами в молодости не любили что ли, не знаете что это такое – неожиданная любовь? – стала похожа на озлобленную и пойманную в петлю птицу, к которой приближалась чужая рука, Лиза.

– Знаю. Потому и советую быть осторожней, чтоб, как ночная бабочка, ты крыльев раньше времени не спалила. Им ведь, мужикам, что нужно? Думаешь, любовь и чувства? Да развлечения в постели на первом плане, а уж потом все остальное. Имей это в виду. Я тебе в бабки гожусь, зря говорить не стану. И дурь, насчет того, чтобы школу бросить, припрячь, где-нибудь подальше, на огороде зарой. Тебе самой на себя надеяться надо, да брата тянуть, пока вырастет. А для этого учиться и учиться нужно, чтобы потом стать успешным человеком в жизни. Не обижайся на старуху. Я прямой человек, потому прямо и говорю.

Мария Ивановна встала со своего кресла и подошла к девушке. Затем нежно, по-матерински, обняла ее и погладила по голове, словно забыв, что она директор школы: "Дай-то Бог, чтобы у тебя и Мити все было хорошо! Дай-то Бог!"

О Валерии Ивановиче она больше не упоминала, но решила и с ним поговорить отдельно и строго.

Но разговора, на какой рассчитывала Мария Ивановна, с Ивановым не получилось. При первых же словах по поводу его неправильного поведения в селе, недопустимости интимных отношений со школьницей, Валерий Иванович спокойно и цинично, даже как-то нахально, почти с вызовом, спросил: "А вы что, меня за ноги держали? Видели, как я с ней спал?"

– Да как вам не совестно о таком меня спрашивать? В такой непозволительной для педагога форме.

– Бросьте вы про форму! К чему столько ханжества? Вам, очевидно, для кого-то понадобилось мое место, но вы не знали, как его освободить. Вот и придумали весь этот спектакль.

– Я?! – потеряла дар речи изумленная директриса. – Да как вы смеете, мальчишка, даже думать такое?

– Вы же смеете обо мне плохо думать. И не только думать, но и говорить, обвинять. А по какому праву, позвольте спросить? Какие у вас для этого основания?

– Я не слепая. И люди говорят...

– Люди говорят. Да они всегда рады окунуть кого-то в грязь и потоптаться на чужом счастье.

– Мне сама Лиза призналась...

– Лиза? Да не может этого быть, вы просто берете меня на мушку.

– Но ведь она-же любит вас!

– И что с того? У нас теперь это запрещено? Меня многие любят...

– Но вы-же понимаете, Валерий Иванович, о чем я...

– Не понимаю. Решительным образом, ничего не понимаю. Все это похоже на неудачный шантаж или сведение мелких счетов.

– Да побойтесь Бога! – перешла на высокие тона вскипевшая Мария Ивановна. – Как вам не совестно даже думать про такое! Педагоги и я обеспокоены вашими отношениями с Лизой Мордвиновой. Простите меня, но совершенно недопустимо, чтобы учитель и ученица заводили любовные шашни...

– Не смейте так называть наши чистые отношения. Вы из какой доисторической эпохи вынесли ваши пуританские представления? Посмотрите на телеэкран. Там каждый день такое показывают, что наши дружеские отношения с Лизой на этом фоне выглядят, как самые безобидные. И потом, кто дал вам право вообще вмешиваться в нашу жизнь? Мы, кажется, ничего дурного не сделали.

– Не сделали, так сделаете. До запретного плода – один шаг.

– Вот видите, привыкли вы во времена сплошных запретов жить, и маетесь, и в нашу жизнь свои правила и ханжество тащите. У вас ведь в Советском Союзе не было секса, и инвалидов не было. – Сказал с иронией Иванов. – Может, хватит кривить душой, Мария Ивановна, не пора ли на реальные вещи иными глазами посмотреть! У нас Россия вымирает, рождаемость падает, а вы все пуританство разводите.

– Да не пуританство, а нормальное поведение, элементарные приличия, которые должны быть в отношениях между мужчиной и женщиной, тем более несовершеннолетней девушкой. Вы меня, пожалуйста, молодой человек, в исторические динозавры и консерваторы не записывайте! Впрочем, если вы и добропорядочность, а также педагогическую этику считаете "атавизмами" или консерватизмом, пережитками прошлого, то я не обижусь, если меня будут считать консерватором. Дело не в определении и названии, а в самой сути педагогической этики и моего или вашего профессионального кредо.

– А мне кажется, что хорошо было вчера, не всегда хорошо сегодня. Надо шире смотреть на вещи и явления. Мы – не вы, в одном строю шагать не можем.

– Да причем здесь строй? Человек он всегда – либо человек, либо скотина.

– Это вы про меня?

– Что про вас?

– Скотина!

– Да, я вижу, при таком понимании никакого разговора у нас с вами не получится. – Словно почувствовав непробиваемую стену, уже спокойным и суховатым голосом заявила Мария Ивановна подчиненному.

– Чему удивляться? Конфликт поколений и только!

– Нет, я вижу, вы совсем не хотите меня понять. Так у нас с вами, Валерий Иванович, ничего не получится. Набедокурил и еще ерипенится! Не лучше ли честно признаться – так, мол, и так, бес попутал!..

– Э, нет. Такого признания, даже, если что-то и было, вы от меня не дождетесь. И требовать его не имеете права! – вышел из равновесия Валерий Иванович.

– Ишь, ты, о правах заговорил! Да ты не забыл, где живешь? Был бы жив отец Лизы, он бы тебе популярно объяснил все про это и другие права, всю бурьяновскую конституцию на физиономии напечатал.

– Да чего вы от меня хотите? Сами же поселили в дом к Мордвиновым, а теперь очерняете.

– Далеко пойдете, Валерий Иванович, если так и дальше будете себя вести. Ну, это ваше дело – какой дорогой идти. А пока хочу предупредить, если узнаю, что вы с Лизой сожительствуете, отдам под суд за соращение малолетней. Мы никому не дадим сироту в обиду!

– Вам сразу заявление написать или потом, когда меня к расстрелу приговорят? – ехидно усмехнулся Иванов.

– Как хотите. – Холодно завершила разговор директор. – Идите!

Дурдом, савок какой-то! – подумал Иванов и неприятно поеживаясь, с искаженным от неприятности лицом вышел из кабинета. Секретарша Людочка, слышавшая сквозь плохо прикрытые двери отрывки прелюбопытнейшего для нее разговора, многозначительно и осуждающе посмотрела на провинившегося учителя и сгорала от нетерпения, когда он скроется с глаз, чтобы добежать до своей приятельницы – преподавательницы литературы Ксении Петровны, проявлявшей повышенный интерес к Валерию Ивановичу. Она уже была наслышана об особых отношениях учителя математики с его ученицей, и вынашивала планы мести. Впрочем, долго думать она не любила. На следующем же уроке литературы в классе, где училась Мордвинова, вызвала девушку к доске и попросила объяснить, как она понимает отношения Андрея Болконского и Наташи Ростовой, после их первой встречи?

– Что вы имеете в виду? – попыталась уточнить несколько туманный для нее вопрос Лиза.

– Надо же, непонятливая какая! Я хочу спросить, переводя на современный язык, что между ними было?

– В смысле – просто тусовались или любили друг друга?

– Что за слэнг – "тусовались"?.. Это ты так про Наташу Ростову – девочку-подростка – и умудренного опытом, боевого офицера, князя! Ты не чувствуешь разницы в этих словах и понятиях?

– Чувствую, конечно, даже очень!

– Вот то-то и оно, уже всем видно, как ты чувствуешь! – подколола, сбивая с толку покрасневшую от этих слов девушку, Ксения Петровна. – А вот урок не подготовила, на простой вопрос ответа у тебя нет, мямлишь, Бог знает что!

Лизу эти слова задели, но она решила не нарываться, понимая, что литераторша ее провоцирует на необдуманную дерзость. Просто завидует, что Валерий Иванович выбрал не ее – тридцатилетнюю старуху, а Лизу. – Видела, какими глазами Ксения Петровна смотрит на Валерия Ивановича. Вот зараза! Но девушка сдержалась и попросила разрешения продолжить свой ответ по заданной теме.

Ксения Петровна довольно качнула головой в знак согласия.

– Мне кажется, что никакой любви между Наташей Ростовою и князем Андреем после первого их знакомства не было.

– Это почему же? – снова спросила Ксения Петровна. – Возможно, хотя бы платоническая любовь все-таки была? Ты слышала когда-нибудь про такую любовь, знаешь, что это такое?

– Читала. А по поводу первого вопроса думаю следующее: князь Андрей в ту пору еще не оправился после смерти жены...

– Так! – одобрительно кивая головой, но менторским тоном подтвердила правильность ответа учительница, и, повернувшись на стуле, стала чуть-ли не в упор рассматривать Лизу с ног до головы. И что он в ней только нашел? Ни ума, ни фантазии, одна задница!

– А во-вторых, продолжала Лиза, – Наташа была еще слишком мала для настоящей любви. В ней жила почти детская влюбленность... Ребенок – одним словом...

Во всех вас живет почти детская влюбленность, а потом почему-то дети появляются. – Съехидничала про себя и саркастически улыбнулась собственной мысли Ксения Петровна. Но ничего подобного не сказала вслух, а спросила, как запрограммированный робот:

– Значит, ты считаешь, что князь Андрей не мог в ту пору полюбить Наташу Ростову, потому, что она была девочкой-подростком?

– Нет, не поэтому. Я же сказала, что он еще не опомнился после смерти своей супруги. Хотя у них перед ее кончиной были сложные отношения, князь Андрей, как я думаю, в душе все-таки любил ее.

– А ты уверена, что мужчина может любить только одну женщину?

– Да, а как же еще?

Господи, да она еще совсем наивное дитя, чего это я придираюсь к ней, какая тут соперница! – укорила себя в душе Ксения Петровна и напомнила общеизвестный факт:

– А вот, говорят, великий русский поэт Тютчев мог любить сразу двух и даже трех женщин.

– А турецкий султан – целый гарем! – пошутил шустрый и смелый до нахальства Вовка Клишин.

После его слов весь класс грохнул от дружного смеха.

– Клишин! – прикрикнула на него Ксения Петровна. – Не умничай, сейчас к доске пойдешь.

– А что, и пойду, раз вызываете! – с вызовом ответил Вовка.

Он догадывался, куда клонит со своими вопросами к Мордвиновой учительница, и хотел вступить или даже пострадать за свою одноклассницу, а еще больше – за справедливость. Ну, чего, спрашивается, она к Лизе придирается и пытается унижить ее?

– Хорошо, давай иди, только постой пока у доски, дай Мордвиновой своими знаниями блеснуть!

Клишин, подняв глаза к потолку, манерно прошел под обстрелом озорных глаз одноклассников к доске. А Ксения Петровна снова повернулась к Лизе и решила:

– Можешь продолжать.

– А что еще продолжать? – недоумевала Лиза.

– Ну, поразмышляй, поразмышляй, пофилософствуй немного о том времени, об отношениях молодой девушки или даже девочки-подростка и зрелого мужчины, за которого ее сосватали. Нечего сказать? Не работают извилины? Что общего у них могло быть?

– Я уже все сказала, больше мне нечего добавить. В учебнике об этом ничего нет.

– Нет. – Покачала головой Ксения Петровна. – А сама ты не способна поразмышлять, или у тебя только женихи сейчас на уме?

Это уже было через край. Лиза обиделась и насупилась.

Понимая, что следующие ее слова могут взорвать эту тихоню, Ксения Петровна не стала переживать. Скучных знаний девушки и ее неспособности свободно и самостоятельно мыслить, продемонстрированных перед всем классом Лизой, для учительницы было достаточно. Она была довольна, и с удовлетворением поставила Мордвиновой законную "тройку". Потом обратила свои взоры на смельчака Клишина:

– А что ты скажешь по этому поводу?

– Я? – как плохой артист, ударил себя в грудь Вовка. – Да зря князь Андрей посватался к Наташе Ростовой. Она ему в дочки годилась.

– Клишин! – строго посмотрела на Вовку учительница. – Я тебя серьезно спрашиваю.

– А я серьезно и отвечаю. Ну, зачем он такой старый к девочке посватался?

– Ты что же, считаешь, что князь Андрей был стар в свои... – Она не успела договорить, зазвенел школьный звонок, сообщавший о конце урока, и класс сразу наполнился шумом ребячьих голосов, хлопанием книг о парты, распахнутых дверей в соседних классах.

– Ладно, уж, повезло тебе. Садись! – отпустила Клишина от доски Ксения Петровна. – На следующем уроке продолжим...

12.

Учеба для Лизы постепенно превратилась в муку. Вовсе не потому, что она была какая-то тупая или ленивая, не хотела заниматься. А потому, что молодые преподавательницы и девочки-одноклассницы уж больно стали донимать ее своими намеками да вопросами по поводу ее отношений с Валерием Ивановичем. Даже ближайшая подруга Антонина, с которой она несколько лет отсидела за одной партой, все пыталась и пыталась ее, с какой-то явной подобострастностью и невиданным любопытством:

– Ну, че, Лизунь, математик тебя не обижает по ночам? Как он в постели? Довольна им? Любишь его? Умираешь от счастья? Ах, ты, хитрюга, заманила к себе в дом жить, приворожила красавца!.. – сыпались, как горох, ее вопросы и умозаключения.

Лиза смотрела на нее каким-то отрешенным взглядом и, словно не узнавая, отмалчивалась, недовольно хмурия брови. Ей были неприятны такие откровенные и пошлые вопросы. Где Тонька только успела всего этого понабраться и так испортиться? Неужели сама уже всю жизнь живет с парнями или, того хуже, замужними мужиками?

– Да что ты, как воды в рот набрала, все молчишь и молчишь? Ну, расскажи, хоть что-нибудь? – не унималась Антонина.

– Чего тебе рассказать? – наконец, сжалилась над подругой Лиза.

– Ну, про то, как у вас все происходит, интересно, аж не знаю как!

– Очередное развлечение ищешь, видиков тебе про любовь мало, да? Обязательно мои подробности нужны!

– Да че ты сердишься, вот глупая, я же просто так, мы же с тобой подружки.

– Подружки. Но моя любовь – это только моя любовь. Тебе в ней делать нечего. Рассказывать про свои отношения с Валерием Ивановичем я ничего не буду. Потому, что никаких отношений у нас с ним нет.

– Так я и поверила! Ох, что-то ты темнишь, подруга. Говоришь, никаких отношений нет, а сама вся переменилась в последнее время. Словно ты – это уже вовсе и не ты, а совсем другая девчонка.

– Может, так оно и есть. Я уже совсем не я. – Загадочно и задумчиво предположила Лиза. – Да, наверное, ты права. Я уже совсем не та девочка, с которой ты дружила много лет.

– Как это не та? Мне ли тебя не знать? В одном селе выросли...

– Вот именно, что выросли, понимаешь?

– Не-а! – честно призналась Тоня. А потом, как бы догнав рассуждение подружки собственной мыслью, поддакнула: "Да, да, выросли, конечно же. Совсем большими стали!". – Рассмеялась она над своей непонятливостью и несообразительностью.

– А раз выросли, то пора и повзрослеть. – Снова несколько туманно для нее заговорила Лиза.

Тоня вдруг почувствовала, что между ними образовалась какая-то тонкая, словно ледяная корочка на прихваченной морозцем луже, перегородочка, казавшаяся еще совсем хрупкой, но уже реально разделявшей двух ранее очень дружных подруг. Значит, точно: у Лизки с Валерием Ивановичем что-то серьезное. Сомневаться в этом не приходилось. Она внима-

тельно посмотрела на Лизу и, смерив ее взглядом, спросила: "А как же Петька? Он ведь по тебе с ума сходит!"

– А я его что, заставляла с ума сходить, что-то обещала ему? Петька он и есть Петька, друг детства, – губошлеп – дурошлеп!

– Ну, не скажи! Это он из-за тебя таким поглупевшим стал. Страдает! А не боишься, что он твоего математика замочит, если узнает про ваши с ним отношения? Знаешь же сельских парней – долго думают, а потом враз – по башке кувалдой, и ходи не кашляй...

– Да ты с ума спятила, что ли? Чего зря пугаешь? Ну, что ты пристала ко мне? Какие такие отношения? Я же тебе сказала, что у нас с ним ничего нет. Он меня не замечает. У него в городе своя подруга, понимаешь? Он мне недавно рассказал, что из-за нее он сюда и приехал. Точнее, из-за ее отца. Там какой-то крутой из новых русских, обещал его в бетон закатать, если от дочки не отвяжется.

– Ого, круто! Интересно! А что же ты мне ничего не рассказывала?

– А зачем тебе это рассказывать, чтобы сплетни по селу пошли? Ты, смотри, не трепись, а то вон как глазищи разгорелись – свечи можно зажигать. Поклянись, что никому ничего не расскажешь!

– Я, да я!.. – обиделась и удивилась подозрительности подруги Тоня. – Да не знаешь меня что – ли? Разве я когда-нибудь тебя подводила?

– Пока нет. Извини, я просто так ляпнула.

Но про себя Лиза подумала совсем об другом: не удержит Тонька в себе такую новость и пяти минут. – Знала ее нетерпение в таких случаях. – Обязательно кому-нибудь разболтает. Вот и хорошо. Пусть думают именно так, как я им преподнесла про Валерия Ивановича, да и себя. К чему мне лишние подозрения? Да и Валерий Иванович после разговора с Марией Ивановной стал каким-то отчужденным и неприступным, как ледяной Эверест. Видно всего – от ног до головы, а вот подойти и взобраться...!

Валерий Иванович, действительно, после разговора с директором пришел домой чернее ночной Самарки. На вопрос Лизы – что, и Вас допросила директорша? – он ответил сухо и недовольно:

– А как ты думала! И, знаешь, она, наверное, права. Не нужно нам было что-то начинать, нехорошо это, непозволительно!..

– Валерий Иванович, я ей Вас ничем не выдала, вы не подумайте! – сдавленным голосом поторопилась сообщить пострадавшему и помрачневшему возлюбленному Лиза.

– Это правильно. Я тоже сказал ей, что между нами ничего не было и быть не могло. Правда, погорячился и наговорил такого!

– Что теперь жалеете?

– Не скрою, жалею, Мария Ивановна гораздо старше меня, педагог с громадным стажем, а я ей такого наболтал от обиды!

– Значит, жалеете, стыдно Вам стало за то, что вы со мной ночи проводили?

– Выходит, что так, чего темнить. Вся школа по углам про нас с тобой шепчется. Мне в учительскую уже просто неудобно заходить – коллеги глазами сжирают!

– Ну, и что с того! На селе всегда друг друга глазами сжирают. Как насмотрятся, так и думать про дурное перестанут. А учительницы наши от зависти ко мне бесятся. Вы что, не понимаете? Они не вас, а меня, и не глазами, а на самом деле теперь съесть готовы.

– Ну, это ты брось, не надо напраслину на своих учителей возводить. Никто тебя не съест. Наоборот, вон, Мария Ивановна, горой за тебя стоит, опекунша, оберегает, словно родную. Вот на меня, как на чужака, наехала.

– Да ведь вы для нее чужак и есть. Зря вы из-за меня так пострадали. Вам ведь свою репутацию нужно было беречь. Вы же только начали работать у нас в школе.

– Да, репутацию я, действительно, подмочил. Такое трудно будет исправить. Не зря говорят, береги честь смолоду! Скомпрометирован окончательно. Снова что ли в город податься?.. – сказал он как-то неопределенно и с чувством разочарования от всего происшедшего с ним в этом селе.

– Не, что вы! Лучше я сама из школы уйду. Давно думала на ферму пойти. Вон и тетя Люба зовет. Да и на хлеб нужно зарабатывать. Мне еще Митю поднимать, до ума доводить.

– Вот это ты брось, я, чем смогу, тем помогу. А учебу не смей бросать! Перемелется все и уляжется, поймут люди. Мы же никому ничего плохого не сделали. Подумаешь, что понравились друг другу, подружились! Что в этом плохого?

– Да не знаете вы наших сельских! Они же все шиворот – навыворот вывернут, переиначат, пересудачат и о пакостном будут думать.

– Да почему, черт возьми? Что мы им, на самом деле, такого плохого сделали?

– Вам, такому чистому, этого не понять. Они от зависти позеленеют и будут козни строить, чтобы нам как-то помешать.

– Не понимаю, ничего не понимаю! – развел руками Валерий Иванович. – Какое им до всего этого дело? Вот же русский народ! Воистину, загадочный и подлый!

– Да не подлый, а злой, обиженный городскими. В городе нас за кого держат?

– За кого?

– Да за лохов, навозников деревенских. Иначе разве так бы мы на селе жили! Все мужики у нас в Бурьяновке на городских начальников и вообще на власть обиженные. Вы только с ними на эту тему не заговаривайте, а то и побить невзначай могут.

– Как это побить? За что?

– А ни за что. Просто так, для забавы. За напоминание о том, кто они и кто вы.

– Неужели все так серьезно и плохо, так глубоко зашло? – стал сокрушаться Валерий Иванович. – Впрочем, чему я удивляюсь в наше время! Получить по лицу сегодня так же просто, как под случайный дождь попасть. – Еще памятные обиды и побои, понесенные от охранников его несостоявшегося тестя, легкость, с которой "добры молодцы" выполняли приказ шефа и награждали тумаками, убедили его в правоте своих рассуждений. Он саркастически улыбнулся, нехорошо изменился в лице, потом посерьезнел, умолк, и направился к себе в комнату.

– Кушать будете? – спросила его вслед Лиза.

– Нет, что-то не хочется. Ужинайте без меня.

Но Лизе сейчас было не до еды. Валерия Ивановича она спросила больше из приличия, нежели из желания, действительно, покормить. Самой ей после стольких переживаний кусок хлеба, наверное, встал бы поперек горла. А Митя еще не вернулся с улицы. Бегал где-то с друзьями. Она прошла в родительскую спальню. Подошла к иконе и, уже полными слез глазами, вперилась в нее каким-то безутешным и отчаянным взглядом. Словно ища защиты от всех напастей, обрушившихся на нее и еще не решив, как быть дальше – бросать или не бросать школу, продолжать или не продолжать спать с Валерием Ивановичем? Впрочем, нет. С этим все, казалось, прояснилось. После школьной выволочки между нею и молодым учителем возникло какое-то неестественное напряжение в отношениях. Что-то, словно мешало им, останавливало. Та теплая и доверительная атмосфера, восторг и очарование, которые были в первые дни проживания Иванова в этом доме, куда-то улетучились.

Ситуацию усугубил из ряда вон выходящий для Валерия Ивановича, но обычный в таких положениях для бурьяновцев случай. Прослышав про "шашни" его, как думал девятиклассник Петька, девушки с молодым учителем, он подговорил здоровяка Мишку – пойти прибить математика. И они, вскоре как-то вечером пришли к дому Мордвиновых, чтобы выполнить свой план, наломать городскому ухаю бока. Вызвали Иванова за калитку, и как только он появился, не послушав отговаривавшую его выходить на улицу Лизу, сразу стали откровенно хамить ему и оскорблять.

– Ты че, козел, здесь делаешь? Не понимаешь, что девку нашу позоришь, только тем, что живешь у нее? А еще на нее глаз положил, клинья подбиваешь, мудак!

– Да как вы смеете! Вы что хамите, вас кто послал?

– Никто, тварь, мы сами пришли тебе шею наломать за нашу девушку. – Напер на Валерия Ивановича Мишка. – Она нам, как сестра.

– Да что с ним базарить, не видишь, он же не врубается, шакал. Думает, раз учитель, то ему все можно. – Почти сквозь зубы, уже со злостью, высказался Петька и намахнулся на Валерия Ивановича. Мишка, восприняв это движение, как сигнал к действию, влепил учителю оплеуху, уверенный в том, что тот сейчас перемохает и от испугу побежит в дом. А между тем противник оказал им такое умелое сопротивление – владел приемами каратэ, – что друзья поначалу опешили от такого отпора, а потом схватились за колья. Но выскочившая из дому Лиза преградила им путь и накричала на них так, как будто они были какими-то бандитами с большой дороги. На шум и крик из соседних домов сбежались мужики и бабы. Одни ругали обнаглевших пацанов, другие – учителя, который стал причиной скандала. А про Лизу словно забыли, по-своему жалели ее и лишь иногда обхаживали взглядами.

Об этом скандале на следующий же день стало известно в школе. Кто-то из соседей встретил по пути на работу Марию Ивановну, и все рассказал ей. Чаша терпения директрисы переполнилась. Нужно было что-то решать с этим нахальным молодым выскочкой и несчастной Лизой. Однако этого не потребовалось.

Поразмыслив на досуге после стычки с кавалерами Лизы, представив себе новую сцену в кабинете директора, злорадствующих воздыхательниц и завистниц, которым Валерий Иванович не ответил взаимностью, он решил завтра же попросить увольнения по собственному желанию, и уехать в город. Пойдет работать куда угодно, и кем угодно, только не в школу. Да и к Наташе будет поближе. Возможно, с нею у него все еще образуется. Так он и поступил. Уехал и след простыл. Рассказывали, что устроился на работу в редакцию какой-то второразрядной городской газеты, и писал в ней о нравах в системе образования, а также на темы морали. И был вполне доволен своей судьбой. В городе он чувствовал себя, как в своей тарелке. Увидев его статьи в газете, в ее редакцию по указанному на последней странице телефону вскоре позвонила Наташа. И позднее они встречались тайком. А вот Елизавете пришлось после этого несладко. Вскоре во время обычного медосмотра гинеколог бесстрастно и лишь немного сочувственно констатировала:

– Залетела ты, милая.

– Как это? – не поняла сказанного Лиза.

– Тебе лучше знать – как! Чего притворяешься? С парнем или мужиком спала? Как? Как рак...

Лиза почувствовала, как приливает кровь к лицу, и слабеют, подкашиваются от таких слов ноги. Но она быстро собралась, как бы встряхнулась и переспросила торопливо и испуганно:

– А вы ничего не перепутали?

– Я двадцать лет в гинекологии. Обижаешь! Ошибки никакой, ты беременна, могу даже точно срок назвать...

Лиза не дослушала ее и птицей выпорхнула из кабинета врача, побежала, куда глаза глядят.

– Что это с Мордвиновой? – только и спросила одна из одноклассниц. Никто из них даже не успел остановить Лизу, чтобы узнать, в чем дело. Впрочем, девчонкам и без того все было ясно. Их одноклассница Мординова залетела!.. А Лиза промчалась стрелой по улице села, добежала до дома и, прошмыгнув через коридор в родительскую спальню, не раздеваясь, повалилась на кровать и горько заплакала. На икону она уже даже не взглянула – было стыдно смотреть. Лежала и сотрясалась от безутешного плача. И никто не видел этих горьких слез. Лишь

богоматерь с сочувствием взирала на девушку со своей божественной высоты и все понимала. Только на нее и была теперь у Лизы опора.

13.

С тех пор прошло несколько лет. Лиза за это время успела сделать аборт, бросить школу, съездить к тетке в город, чтобы попытаться найти там работу и забыть обо всем, что произошло в родном селе. Собственно, тетка-то и помогла ей найти акушера-гинеколога, которая поначалу долго отговаривала девушку от ее скоропалительного и небезопасного для здоровья решения, ясно давая понять, что она после операции может навсегда остаться бездетной, никогда больше не забеременеть. Но Лиза настояла на своем. Да и тетя Валя – материна золовка – поддержала, объяснила положение девушки врачу. Мол, если родит сейчас, то ей еще хуже придется – ни папки, ни мамки, а на шее еще младший брат, которого она на время оставила дома под присмотром соседки. Мы же – городские родственники – не миллионеры, чтобы их содержать на свой счет. Можем только изредка помогать. Так что для всех будет лучше, если ее племянница прервет беременность. Слава Богу, операция прошла без осложнений. С чем опытный врач и поздравила девушку после контрольного осмотра в акушерском кресле. А девушке было не до радости. От всего, что случилось с ней, не хотелось жить. В глазах постоянно стояли акушерское кресло, столик для медицинских инструментов, разложенных на побуревшей от стерилизации простынке, а в душе и теле чувствовалась нестерпимая боль оттого, что из него грубо и безжалостно выскоблили самое дорогое и близкое. Горькие слезы постоянно наполняли глаза, комком скапливались в горле. Казалось, все померкло вокруг. Оправившись немного, она походила по городским бюро трудоустройства, порылась в газетах типа "Работа", "Вакансии", которые порекомендовала просмотреть тетка. Позвонила по нескольким номерам в конторы, приглашавшие на работу молодых девушек. Но все это оказались, как она поняла, салоны интим-услуг или вербовочные фирмы, предлагавшие "трудоустройство" за рубежом. О таком удовольствии она уже была хорошо наслышана, понимала, что ищут не официанток и сиделок, а проституток – телевидение просветило! Да и по селу ходили слухи, что Татьяна Нестеренко – их землячка – завербовалась на работу в Арабские Эмираты официанткой, а попала в рабство к хозяину какого-то борделя, и теперь оттуда никак не может вырваться. Все это пугало и отвращало Лизу.

А вот реализатором парфюмерной продукции в какой-то частный магазинчик, приглашавший девушек с приятной внешностью, она решила наведаться, чтобы узнать, что там платят. Но, когда услышала, что зарплата там не ахти какая, да к тому же, молодой хозяин очень любвеобилен и не пропускает мимо ни одной юбки, то поняла, что здесь ей делать нечего. Не намного лучше были и другие предложения – в основном из сферы услуг, магазинов и магазинчиков, кафешек и торговых лотков, медучреждений. Она обзванивала и обхаживала торговые точки, парикмахерские, больницы, поликлиники, прачечные, но нигде ей не предлагали хорошей работы. Лиза пошла бы и посудомойкой, или санитаркой, если б им хорошо платили, работы не чуралась. Но за полторы, в лучшем случае две тысячи рублей, заниматься самой черной работой в городе она не хотела. Такие деньги, даже больше, она могла получать и на ферме в родном селе. К тому же, там были свой дом и брат, приусадебный участок, который помогал выжить. А тут – голая зарплата и толпы нахальных молодых людей, постоянно оглядывавших ее с головы до ног и, словно раздевавших своими взглядами. Некоторые молодые люди вообще не церемонились и, видя, что она одна, подходили и напрямик предлагали – пойдём с нами, приятно проведем время! Были и такие, что хватали за руки, внаглую обжимали и облапывали своими руками, желая от нее, как она видела, только одного – ее тела и удовольствий. Тонька, наверное, была бы даже довольна от такого повышенного внимания ребят, – думала Лиза, – а мне это за падло. И как им самим, скотам, не противно бросаться на кого попало. Да, может, я СПИДом больна! Липнут и липнут, козлы. Нет, надо ехать домой. В этом ее убедил и последний разговор с тетей, которая как бы невзначай спросила: "А почему сейчас дома в

Бурьяновке?" И, не дождавшись ответа, поинтересовалась: "Ты не хочешь его продать, если надумала в городе жить? Продашь, квартиру снимешь или комнату купишь. Митю привезешь. Не оставишь же брата навсегда в селе с соседкой? Правда, много за дом сейчас не выручишь. Больше, чем на одну комнату в городе, денег не хватит, тут ведь цены сейчас сумасшедшие на жилье. Но все – равно, как-то выкручиваться надо. Тесно здесь всем в двух комнатах. Да и все время-то у нас не будешь жить, свое жилье пора заводить".

– Само собой. – Согласилась с ней Лиза. – Только дом с участком на берегу реки, рядом с лесом за комнату отдавать, чтобы потом всю жизнь тесниться в ней!

– Наживешь еще! Замуж выйдешь за богатого, сразу все проблемы решишь. Хочешь, я сама займусь продажей? – предложила она Лизе.

Та поняла, куда клонит тетя. Стопроцентно, хочет руки на продаже ее дома нагреть. Ей, по большому счету, как видно, до меня дела нет. – Подумала Лиза. – Зря я к ним приехала. Дядя, на самом деле, хорошо, как родной, ко мне относится, но он так занят своей работой на стройке, что ему не до меня. Приходит, ужинает, и валится от усталости на диван. У него даже на своих собственных сыновей времени не хватает, чтобы поинтересоваться, как у них прошел очередной день в школе. Лишняя я тут. И Валерий Иванович не хочет встречаться. Сколько раз звонила, все увиливает, ссылается на большую загруженность и постоянные задания редактора, командировки. Пришла сама в редакцию, а туда без пропуска не пройдешь. Постояла, подождала, думала, может, сам выйдет ее друг. Но тот так и не появился. Она устала ждать и ушла ни с чем. Сколько можно собачкой у дверей стоять в ожидании неизвестно чего! – подумала она тогда про себя. – Вот змей, получил свое, и в сторону! В глаза видеть ее не хочет. Конечно, зачем я ему? Тут столько других – образованных и богатых. А кто я для него? Говорил, лучшая, на свете! Врал! За дурочку держал. Права была мама. Нельзя мужчинам верить.

На следующий день после недельного пребывания в областном центре Лиза вернулась в родное село. Митя был в школе. Соседка – тетя Люба – на работе. Рассказывать о своей поездке в город оказалось некому. Лиза заглянула в полупустой холодильник, достала пару куриных яиц и поджарила их на сковородке. Перекусила, попила чайку, погоревала некоторое время у портрета, на котором были сфотографированы улыбающаяся молодая еще мама и строгий, такой же молодой и сильный, отец. Помолилась под образами, попросила у Боженки прощения за свой грех, и отправилась на огород. Он уже давно ждал ее заботливых рук. Девушка первым делом, взрыхлила грядки, полила огород водой из емкости, сваренной отцом. Напустила в нее воды из скважины через толстый резиновый шланг, чтобы нагревалась на солнце. Растения не любили, когда их поливали холодной водой, болели от этого. Они вообще, как она выяснила, были такими чувствительными, что даже на дурные слова реагировали – желтели и вяли. А вот от ласковых слов хозяйки начинали буйно расти и расцветать. За делами Лиза постепенно стала забывать о своем горе. А когда увидела примчавшегося из школы на радостях, по случаю отмены последних уроков и объявления летних каникул, Митю, то и сама впервые за последнюю неделю приветливо улыбнулась ему, как ласковому и любимому солнышку.

– Митя! – позвала и поманила рукой мальчика Лиза. – Гони сюда, я вернулась!

Брат искренне обрадовался ее приезду, бросил на крыльце свой рюкзачок, и стремглав подлетел к ней, прижался к груди:

– Я думал, ты совсем уехала, бросила меня! Учителя, слышал, совещались по поводу того, что, мол, не определить ли меня в Максимовский приют. – Чуть не плача, загундосил он, воткнувшись ей в грудь своим уже покрытым первым загаром лицом. Не сдержался, и заплакал. Она чувствовала, как его горячие слезы тонкой струйкой потекли по ее приоткрытой из под домашнего халата груди. И, казалось, достали до самого сердца. – Ты меня не отдашь в приют?

– Да ты что, как тебе не стыдно, на кого же я тебя брошу? Я думала в городе что-то получше подыскать. А там один порожняк, зря только время убила. Ну, да ладно. Ты-то здесь как? Теть Любу не замучил? Слушался?

– Слушался. Мы с ней дружно жили! – врасстяжку ответил Митя.

– Проголодался в школе?

– Да нет, нас там кормили. Вот только говорят, чтобы за питание деньги сдали. Задолжали мы.

– А ты что?

– А я сказал, что тебя сейчас дома нет, когда приедешь, заплатим.

– Ну, и правильно. Вот получу пенсию или зарплату, тогда и отдашь. Иди, переодевайся, поможешь мне немного – хочу свеклу посеять. Я пока грядки подготовлю, а ты переоденься, и семена из сеней принеси. Знаешь, баночку из под чая, что на полке стоит?

– Знаю, не маленький. – Ответил Митя и, уже оторвавшись от сестры, зашагал по тропинке к невысокой изгороди в начале огорода, отделявшей его от хозяйственного двора.

Провожая его глазами, она почувствовала тепло и облегчение в своей душе. Ей было ради кого жить.

14.

Прошло еще некоторое время. Митя подрос и превратился в стройного шестнадцатилетнего юношу. У него поменялся голос от возрастной мутации, над розовой, слегка оттопыренной губой, появился черный пушок первых усиков. По окончании средней школы он хотел поступить в Рязанское военное училище и стать десантником. Насмотрелся фильмов про спецназ и десантные войска, вот и решил податься в военные, посвятить свою жизнь служению Родине. Лиза, чтобы не обидеть брата и не настроить против себя, не возражала ему, но ей совсем не нравилось то, что им придется расстаться и жить на большом расстоянии друг от друга. А еще больше – что, возможно, он когда-нибудь попадет на войну и погибнет, как многие молодые российские ребята, где-нибудь в Чечне или Таджикистане. Только от мысли об этом, у нее сжималось сердце и посасывало под ложечкой, как от реальной и близкой опасности, грозившей Мите. Она ведь в брате души не чаяла. И последние годы после ухода из школы посвятила ему. Работала на ферме дояркой. О ее уходе из школы и скандальном случае с математиком в селе постепенно забыли. Точнее, старались не вспоминать, чтобы зря не обижать и без того пострадавшую в этой истории девушку. К тому же видели, что не забрюхателя. Значит, зря про девку брехали, слухи по селу распускали. А Петька по-прежнему не давал Лизе прохода, все мылился, набивался в женихи. Но она к нему, как и раньше, почему-то была равнодушна. И каждый раз отговаривала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.